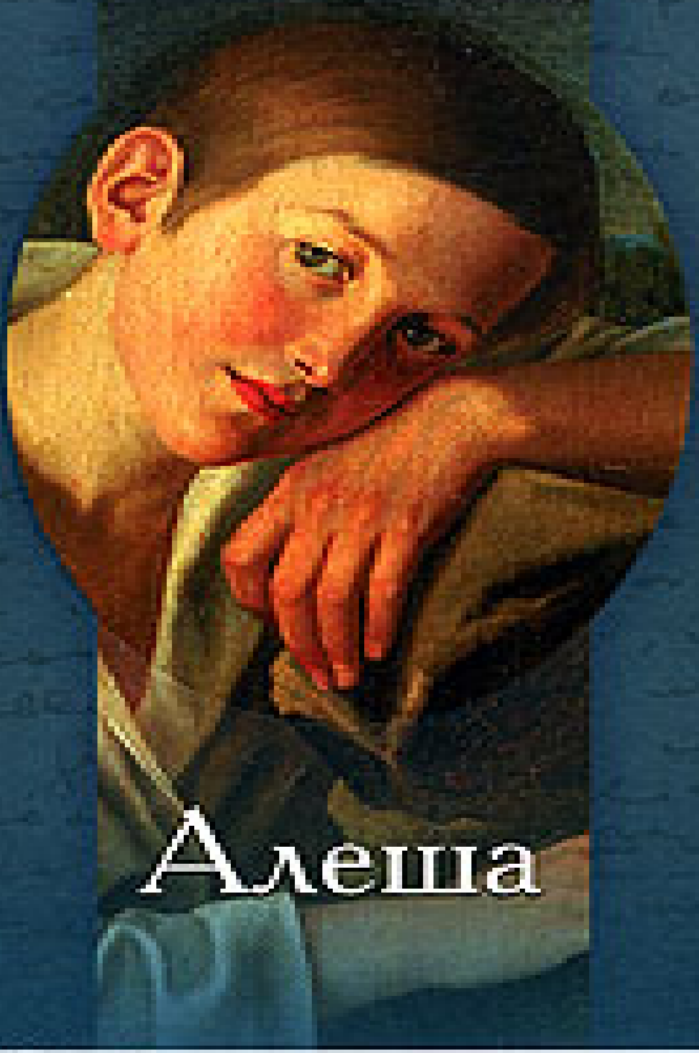
Анри Труайя

Член Французской академии



Алеша

Русские биографическо-исторические романы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1924 год. Советская Россия в трауре – умер вождь пролетариата. Но для русских белоэмигрантов, бежавших от большевиков и красного террора во Францию, смерть Ленина становится радостным событием: теперь у разоренных революцией богатых фабрикантов и владельцев заводов забрезжила надежда вернуть себе потерянные богатства и покинуть страну, в которой они вынуждены терпеть нужду и еле-еле сводят концы с концами. Их радость омрачает одно: западные державы одна за другой начинают признавать СССР, и если этому примеру последует Франция, то события будут развиваться не так, как хотелось бы бывшим гражданам Российской империи. Русская эмиграция замерла в тревожном ожидании…

Политические события, происходящие в мире, волей-неволей вторгаются в жизнь молодого лицеиста Алеши, которому вопросы, интересующие его родителей, кажутся глупыми и надуманными. Ведь его самого волнуют совсем другие проблемы…

Судьба главного героя романа во многом перекликается с судьбой автора, семья которого также была вынуждена покинуть Россию после революции и эмигрировать во Францию. Поэтому вполне возможно, что помимо удовольствия от чтения этого удивительно трогательного и волнующего произведения Анри Труайя вас ждут любопытные и малоизвестные факты из биографии знаменитого писателя.

- Анри Труайя
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Анри Труайя
Алеша

Моей жене

I

Новость была такой важной, что хотелось как можно скорее рассказать ее родителям. Алексей от нетерпения ерзал за партой. Наконец за окнами класса прозвенел звонок. Свобода! В мгновение ока Алексей оказался на ногах, собрал книжки и тетрадки, сунул их в матерчатый портфель и закрепил ремнем. В четырнадцать с половиной лет он – ученик третьего класса – чувствовал себя студентом. Он носил уже не шорты, а бриджи. Решающая перемена в жизни! Расталкивая товарищей, кинулся в коридор и – оказавшись на Инкерманском бульваре – припустил во весь дух, чтобы побыстрее добраться до дома. Но на авеню Руль остановился, задохнувшись от волнения, осмотрелся и с удивлением заметил спокойные и равнодушные лица прохожих, в то время как сам едва сдерживался от радости. Казалось, весь городок Нейи с его роскошными зданиями, обнаженными деревьями и широкими улицами, по которым время от времени пробегал автомобиль, погрузился в холод и безразличие.

Алексей представил, как обрадуются родители, когда прямо с порога он крикнет, что он второй в сочинении по французскому. Никогда у него не было таких успехов в учебе: пятнадцать из двадцати.[1] Обычно были средние оценки. А тут вдруг его назвали среди лучших. Месье Колинар поздравил перед всем классом: «Алексей Крапивин, вы делаете успехи. У вас прекрасное сочинение. И если бы не орфографические ошибки, я бы поставил вас первым, ex aequo[2] с Тьерри Гозеленом».

Приоритет Тьерри был неоспорим: он подавлял весь класс своими знаниями и интеллектом. Нос его всегда погружен в книжки. Алексей тоже любил читать, но не настолько, чтобы забыть другие радости жизни. Он снова пустился бежать, миновал церковь Святого Петра, мэрию и остановился на авеню Сент-Фуа у входа в серое, строгое, взиравшее на прохожих своими одинаковыми окнами здание. Проскочив мимо лифта, на одном дыхании взобрался на четвертый этаж и остановился с бьющимся сердцем у двери. «Георгий Павлович Крапивин» – гласила прикрепленная кнопками над звонком визитная карточка. Алексей набрал побольше воздуха, чтобы разом выпалить: «Папа, мама, я второй по французскому!» Он скажет это по-русски, конечно же. Родители боялись, как бы он не забыл в лицее свой родной язык. Они сами свободно говорили по-французски, однако никогда не смогли бы избавиться от акцента. Алексей, смеясь, поправлял их. Для него русский был частью семейного фольклора. Им пользовались дома, но языком жизни, будущего

был тот, который весело шелестел на улице, в лицее. Он позвонил. Молчанье. Нажал кнопку еще несколько раз. Никого… К счастью, на тот случай, когда все уходили, ключ оставляли под циновкой. Он открыл дверь, вошел и с волнением вдохнул запах дома. Родители, вероятно, только что перед обедом вышли за покупками в город. Они не задержатся.

Расстроенный неожиданной паузой, он покружился несколько минут по двум комнатам квартиры и, не зная, чем заняться, плюхнулся в единственное кресло в столовой. Здесь он спал ночью на диване, задрапированном пледом гранатового цвета с бахромой, здесь готовил уроки, здесь же семья обедала. На стенах комнаты – гравюры, изображающие пейзажи России, старинные фотографии, цветная литография царя-мученика Николая II, реликвии эмиграции. В углу икона с подвешенной на серебряной цепочке лампадкой из красного стекла. Комната родителей рядом. Их мало кто посещал. Только русские, которые говорили только о прошлом и пили водку.

Алексей вновь подумал о своем втором месте по французскому и покраснел от гордости. «Где они пропадают? Не могу больше ждать!» Чтобы скоротать время, он решил накрыть на стол. Он заканчивал раскладывать приборы на старой холщовой, в белую и красную клетку скатерти со следами порезов ножом и сигарного пепла, когда услышал, как хлопнула открывшаяся входная дверь. Он бросился в прихожую. Раскрасневшаяся от холода мать, полная блондинка, и высокий, худой, подстриженный под гребенку отец стояли перед ним в ожидании новостей. Забыв поцеловать их, Алексей вне себя от радости крикнул:

– Я второй по французскому!

Новость, похоже, не вдохновила их. Неужели они не поняли, что он им только что сказал? У обоих был торжественный и в то же время радостный вид. Георгий Павлович Крапивин потряс газетой и громко сказал:

– У нас для тебя, Алеша, тоже большая новость. Умер Ленин!

После минутного удивления Алексей спустился на землю. Совершенно очевидно, что нет никакой связи между вторым местом по французскому и исчезновением хозяина России. Ленин украл его радость. Мог бы отдать концы через пару дней! Вместо того чтобы поздравить сына, Георгий Павлович разложил на столе кучу газет и с увлечением продолжил:

– Все газеты объявляют об этом на первых страницах. Этот пес сдох позавчера, 21 января 1924 года. Советская Россия, похоже, в трауре. Но для нас здесь – это праздничный день! Теперь возродились все надежды!

Елена Федоровна ласково возразила:

– Не горячись, Георгий. Ленин уже два года не стоял у власти. Вчера он был болен, парализован, сегодня умер. В чем разница? Уже при жизни его заменил триумвират. Зиновьев и его единомышленники продолжат ту же политику…

– Не уверен! Не уверен! – возразил Георгий Павлович, нервно стуча пальцами по столу. – Народ обожал и боялся Ленина. Он исчез – и все здание может рухнуть!

Алексей наблюдал за отцом, таким восторженным, за всегда осторожной матерью и с грустью понимал, как он далек от них. Какое ему дело до Ленина? Почему они хотят, чтобы он по-прежнему интересовался тем, что происходит в СССР? Чтобы положить конец спорам родителей, он тихо сказал:

– Мама, давайте обедать! Мне нужно идти в лицей…

– Ну конечно, о чем я думаю! – воскликнула Елена Федоровна. – Я все сделаю быстро. Ветчина, крутые яйца, салат…

– Скромное меню, но сегодня вечером мы наверстаем, – постановил Георгий Павлович. – Никогда ни одна смерть не доставляла мне столько удовольствия! Мы отметим событие шампанским. И я попрошу прийти Болотовых. Они очень близки с Милюковым, который руководит «Последними новостями». У них конечно же информация из первых рук. Будет очень интересно!..

Вдруг он вспомнил о сыне и добавил, хлопнув его по плечу:

– Мы выпьем также за твой успех, дорогой!

Опустив голову, Алексей пробормотал:

– Спасибо, папа.

От обиды на глаза навернулись слезы. Он поторопился вернуться к товарищам в лицей. Отказался от крутого яйца, съел кусочек ветчины, немного салата, выпил стакан воды и ушел, оставив мать и отца наедине с их русскими мечтами.

Он рассеянно прослушал урок географии, обменялся записками со своим соседом Лавалеттом и, когда ученики вышли на переменку во двор, присоединился к группке, обсуждавшей будущее открытие международной зимней спортивной недели в Шамони. Назывались имена норвежских, финских, американских чемпионов… Алексей перебил их, чтобы спросить, знают ли они о смерти Ленина. Все признались, что нет. Это событие не интересовало их. Некоторые даже не знали, кто такой Ленин. В который раз Алексей отметил дистанцию, отделявшую его от этих беспечных французов, поглощенных криками во дворе, короткими потасовками, сумасшедшей беготней и игрой в мяч. Тем временем к мальчикам, разговаривавшим с Алексеем, подошел Тьерри Гозелен.

– Что касается Ленина, то я в курсе, – сказал он.

– И что ты об этом думаешь? – спросил Алексей.

Тьерри нахмурил брови, что сделало его старше как минимум года на три. У него было острое с орлиным носом лицо, черные пронзительные глаза и прямые волосы. Грудь впалая. Спину уродовал горб. Из-за этого он не посещал уроки физкультуры. Никто не любил его в классе, но его отличные оценки и спокойная уверенность внушали насмешникам почтение. Он заграбастает, конечно же, все призы в конце года.

– Это очень важно в международном плане, – с расстановкой произнес он.

Взрыв дурацкого хохота раздался в ответ на эту сентенцию. Тьерри пожал плечами и презрительно удалился. Алексей нагнал его.

– Мои родители думают так же, как и ты, – сказал он.

– Я и не сомневался! Предполагаю, что все русские белые сейчас ликуют!

– Это так.

– А ты, Крапивин?

– Я не знаю! – вздохнул Алексей. – Это так далеко! Мне кажется, что это меня не касается, что это меня больше не касается. Понимаешь?

Консьерж застучал в барабан. Переменка кончилась. Алексей и Тьерри Гозелен присоединились к товарищам, которые строились, чтобы вернуться в класс. Они оказались плечом к плечу во второй шеренге.

– Поговорим еще об этом, – прошептал Тьерри Гозелен.

И, подмигнув, заключил:

– Я рад, что ты второй по французскому. Но еще лучше было бы, если бы мы оба были первыми.

Эта единственная фраза окрылила Алексея. Второй раз в течение дня он одержал победу над товарищами. Он даже спрашивал себя, что больше его обрадовало – второе место по французскому или дружба, которую открыто проявил такой замечательный парень, как Тьерри Гозелен. Шагая рядом с ним по коридору, он с силой пожал его руку. Сухую, горячую руку.

На уроке естествознания он думал о своей удаче и время от времени посматривал в окно на часы колокольни, надпись на которых золотыми буквами по черному фону провозглашала вечную истину: «Все часы ранят, последний убивает».

Когда он вернулся домой, мать хлопотала на кухне. Стол был уже накрыт. Белая скатерть заменила старую. Праздник обещал быть великолепным. Борщ, пирожки, бефстроганов. Георгий Павлович еще не вернулся с работы: он служил в одной из контор. Унизительное положение заставляло его ходить по

домам. Однако он не жаловался. Лишь иногда вечером говорил об усталости: приходилось множество раз подниматься по лестницам и часто слышать грубый отказ. В этот раз он появился ровно в семь, свежий и бодрый, с двумя бутылками шампанского в руках.

– Хороший денек! – объявил он. – Моя тетрадка полна заказов. Этот барбос Ленин принес удачу!

И поставил бутылки с шампанским в ведерко со льдом.

Болотовы пришли в восемь. Маленький толстый муж с круглым как луна лицом и живая болтливая жена с высокой прической и руками, унизанными кольцами. За столом речь шла, естественно, только о политике. Все настолько увлеклись, что не обращали внимания на еду. А все было таким вкусным! Алексей ел за четверых в то время, как перечисляли жертвы Ленина. На совести этого жестокого вождя-догматика были миллионы расправ. Это он принес стране голод, разруху, террор. Если народ оплакивал смерть этого безжалостного диктатора, то у себя в домах люди, наверное, поздравляли друг друга с тем, что освободились наконец от его власти. Болотов считал, что в любом случае «тройка» Зиновьев, Каменев, Сталин целеустремленно продолжит дело почившего. Георгий Павлович, напротив, утверждал, что это – «начало конца».

– Вот увидите, – воскликнул он, наполняя водкой рюмки, – со смертью Ленина начнутся интриги, сведение счетов, дворцовая революция. И результатом этого беспорядка в руководстве будет такое народное возмущение, которое позволит эмигрантам вернуться на родину с высоко поднятой головой. Конечно же, мы не вернем всего нашего состояния. Но получим значительную компенсацию. И что самое главное – будем участвовать в возрождении нашей дорогой России!

– Да услышит тебя Господь, Жорж! – произнес господин Болотов. – Но мне кажется, что ты принимаешь желаемое за действительное.

– Вовсе нет! Вовсе нет! Я верю в нашу звезду!

Он бросился за шампанским и с видом победителя поставил обе бутылки на стол. Алексей прочитал на этикетке: «Пенящееся вино высшего качества». Затем посмотрел на висевший на противоположной стене портрет Николая II. Царь грустно следил за этим преждевременным пиршеством. Выпили за возрождение Святой Руси. Алексей тоже имел право на глоток искрящегося вина. Голова немножко кружилась посреди этого необычного веселья. Видя таких счастливых, таких окрыленных родителей, он спрашивал себя: есть ли основания для такой радости?

– Ах! Вернуться домой! – прошептала мать. – Вновь на

улицах, в магазинах слышать русскую речь, ходить по земле, которая видела наше рождение, дышать деревенским воздухом, возможно ли это?

– Я согласна с вами, – сказала госпожа Болотова. – Я обожаю Францию. Но не буду жалеть, если придется отсюда уехать. Французы нас терпят, но не любят.

– Они развлекаются в русских кабаре, – усердствовал господин Болотов, – аплодируют балетам Дягилева, но за спиной упрекают нас за то, что отнимаем у них кусок хлеба. Кстати, нет ли новостей о вашем деле в Лондоне?

– Никаких, – сказал Георгий Павлович. – Для англичан все предлоги хороши, чтобы не заплатить!..

Алексей часто слышал, как родители жаловались на недобросовестность какого-то лондонского банка, отказывавшегося восстановить капиталы «Компании по развитию международных связей», положенные на ее счет прямо перед большевистской революцией. У Георгия Павловича было несколько акций лопнувшей компании. Однако, наблюдая упрямство британских финансистов, он поставил крест на надеждах получить назад долги.

– Оставим несбыточные мечты, – продолжил он весело. – У нас есть более приятные темы. Объявляю вам, что сегодня утром мой сын получил отличную оценку по французскому. Мы пьем в его честь!

И, подняв бокал, провозгласил, счастливо улыбаясь:

– Я пью за твой успех, Алеша! И желаю, чтобы ты отлично закончил учебу, но лучше бы в русском университете, после нашего возвращения домой!

Все захлопали, Алексей встал, поблагодарил, проглотил немного пенистого, резкого напитка и сел, ощутив тяжесть на сердце. О нем уже забыли и вновь принялись обсуждать преступления Ленина.

Болотовы ушли только в полночь. Алексей помог родителям убрать со стола и вымыть посуду. Слава богу, что завтра четверг, уроков нет. Мать перекрестила его, когда он лег спать. Ее спокойное лицо с нежными голубыми глазами, длинные, белые с ямочками руки показались ему особенно красивыми. Она на цыпочках вышла. В столовой еще стоял запах борща и сигаретного дыма. Алексей погасил ночник. Лишь огонек лампадки мерцал в темноте перед ним наверху. Он смотрел на этот дрожащий свет и пытался привести в порядок свои мысли. Однако все перемешалось в его голове. Смерть «красного царя» Ленина, его второе место по французскому, предложение дружбы с Тьерри Гозеленом, политические споры за столом… Возможно, в

случае смены режима семья покинет Францию и вернется жить в Москву… Родители трогательно надеялись на это. Но что станет с ним, если придется расстаться с лицеем, с товарищами по классу, с французским языком, дружбой с Тьерри Гозеленом? В первый раз в жизни он сказал себе, что счастье его родителей совсем не совпадает с его собственным представлением о счастье. Их дороги расходились. Что он будет делать в России?

Усилием воли он пытался разбудить память. За четыре года жизни в Париже его детские воспоминания потускнели, почти стерлись. Он вновь смутно увидел большой дом в Москве, подобострастные лица слуг, свою кормилицу-няню Марфу, вспомнил сказки, поговорки, народные песни, которые лелеяли его первые годы; француза-гувернера, месье Пупара, ходившего с ним на прогулки под тополями Александровского сада; катанье с родителями на санях… Его отец владел прядильными и ткацкими фабриками. Они были богаты. Каждый вечер за семейным столом собирались гости. Будущее казалось таким же светлым, как весеннее утро. Возвращаясь из конторы, Георгий Павлович сажал сына на колени. «Когда вырастешь, то встанешь вместо меня во главе дела!» – говорил он ему с гордостью. Он не был мобилизован в 1914-м, так как его предприятие работало на армию. Потом на смену радости пришла забота. В доме больше не смеялись. Гости приходили все реже. Началась революция. Бои на улицах, отчаянное бегство через разорванную Гражданской войной страну. Из всего этого хаоса жестоких картин в сознании Алексея уцелели воспоминания о вагонах для скота, набитых озлобленными людьми, сотрясаемых бурей лодках, длинных очередях беженцев, толпящихся в пыльных конторах…

Наконец в Париже остановка. Уверенные в том, что изгнание будет недолгим, Крапивины беспечно потратили те немногие деньги, которые смогли спасти после катастрофы. Алексей вспомнил, что в то время его родители почти каждый день выходили гулять. Утром у ножки кровати он обнаруживал серпантин и конфетти, которые они приносили из какого-нибудь модного кабаре. Потом пришла нужда. Большевики прочно держались в России. Надежда на близкое возвращение отдалялась, нужно было ограничивать себя. Сменили пышные апартаменты на авеню Руль на скромную двухкомнатную квартиру на авеню Сент-Фуа. В той была мебель, эта – пуста. Кровати, столы, стулья, кухонную утварь – все нужно было покупать подешевле, прежде чем приступить к переезду. Устроились быстро. Алексей страдал оттого, что у него не было своей комнаты, где можно было бы уединиться и почитать. Он понимал, на какие жертвы шли родители, отдавая его в лицей.

Учеба стоила дорого. А Георгий Павлович мало зарабатывал, продавая копировальную бумагу и ленты для пишущих машинок. Разве не было естественным его желание вернуться в Россию? Нет. Ведь он не вернет ни своего дома, ни фабрики, ситуация в корне изменилась. Временами он и сам осознавал это. Однако тут же вновь садился на своего конька. Можно ли сердиться на него? Ведь он такой добрый, великодушный, смелый. Более рассудительная мама сдерживала его воодушевление. Как бы то ни было, но они были счастливы в этой серой, бесцветной жизни. Пожалуй, более счастливы, чем большинство французов. Да, но французы были у себя дома.

Думая о своих товарищах по классу, Алексей осознавал, что их детство было более мирным, нежели его собственное. Им не надо было выбирать родину. У них были корни. А у него нет. И ни отец, ни мать не могли понять его. Он вспомнил старого консьержа, который вот уже два года как обозвал его «грязным иностранчиком» из-за того, что он шумел с товарищами около его комнаты. Оскорбление засело в нем как заноза. А сколько злобы на искаженном лице цербера! Посмел бы он быть таким дерзким, если бы родители Алексея были французами? Слава богу, месяц назад его уволили за пьянку. Новый консьерж оказался более любезным. Но он не мог правильно произносить «Крапивин». И упрямо говорил «Грапилефин», над чем очень смеялся папа. Алексея это совсем не смешило. Казалось, что консьерж, искажавший фамилию, высмеивал его происхождение.

Он вновь зажег ночник и взял на столике книгу. Это была избранная поэзия Виктора Гюго из классной библиотеки. Наугад открыл ее и попал на «Джиннов». Первые же строки потрясли его. И в душе зазвучала – сначала очень нежная, а затем все более и более громкая – музыка. Дочитав до конца, он решил спросить у Тьерри, знает ли он это стихотворение. Если он захочет, даст ему книжку. Потом они обсудят ее на переменке во дворе. Эти мысли заставили его забыть и Ленина, и «грязного иностранчика», и он погасил лампу с чувством ожидания больших радостей в жизни.

II

По традиции, заведенной месье Колинаром, все субботние утренние уроки французского посвящались тому, что он называл «свободное изложение». Каждый ученик должен был перед классом рассказывать понравившееся ему стихотворение. Алексея настолько покорили «Джинны», что он решил выучить их наизусть. На переменке он поделился планами с Тьерри Гозеленом. Тот удивился.

– Знаю, – сказал он. – Это блестящее упражнение в стихосложении. Ловкая штука, если хочешь. Но по сути – ничто. Мишура!

– А мне очень нравится! – возразил Алексей. – Мне кажется, что это похоже на оркестр, который сначала играет тихо, потом взрывается, а потом опять тихо.

– Ты знаешь, что он написал это, когда был совсем молодым?

– Тем более замечательно! А что ты будешь рассказывать?

– Отрывок из Виньи, «Смерть волка».

– Тебе нравится?

– Очень мудро, – ответил Тьерри Гозелен просто.

Разочарованный, что не получил одобрения друга, Алексей тем не менее не отступился. В тот же вечер после ужина, когда управились с посудой, он принялся учить «Джиннов». Он расхаживал по столовой с книжкой в руке и громко декламировал. Отец и мать закрылись в своей комнате, оставив свободной столовую. Но дверь была приоткрыта. Они, конечно же, слушали и разделяли его восхищение гением Гюго. Это облегчало его усилия, с которыми удерживалась в памяти длинная вереница строф с неравным ритмом. В одно из мгновений это показалось ему настолько трудным, что он готов был отказаться. Решив посоветоваться с родителями, Алексей толкнул дверь. Мать читала русскую книгу, отец погрузился в газету, тоже русскую. Слышали ли они его? Он неожиданно спросил:

– Что вы об этом думаете?

– О чем? – спросила Елена Федоровна.

– Об этом стихотворении… «Джинны»…

– Извини, Алеша, я не обратила внимания. Я настолько увлеклась чтением «Смерти Ивана Ильича» Толстого. Захватывающе! Ты обязательно должен открыть для себя великих русских писателей. И не во французском переводе. На русском, на русском, конечно же, чтобы постичь всю красоту!

Алексей хорошо говорил по-русски, но читал с трудом и не

имел никакого желания приняться за столь же тяжелое, сколь бесполезное дело. Чтобы раз и навсегда покончить с настойчивостью матери, он ответил:

– Да, да, согласен… Но сейчас я по уши погрузился в Виктора Гюго. Это великолепно!

Он вернулся в столовую разочарованный, обиженный, считая, что родители оскорбили Францию. Более часа он продолжал упрямо учить стихотворение строфу за строфой. И чем больше повторял, тем больше убеждался в его сверхъестественной музыкальной силе.

В субботу утром он был готов. Когда пришел его черед рассказывать, он, волнуясь, встал перед классом и едва слышным голосом начал:

Стены, город
и порт
Приют —
Смерти…

По мере того, как лились стихи, голос его становился более уверенным. Дойдя до александрийских строф, он выкрикнул со всей силой, чтобы воспроизвести гам, с которым обрушились «ночные бесы» на дом:

Крики ада! Голос воет и плачет!
Страшный рой, толкаемый аквилоном,[3]
О небо! Вьется над моим жилищем,
И стена сгибается под черным батальоном…

Хохотал весь класс. Известный кривляка Дюгазон, закатив глаза и сцепив руки, в изнеможении катался по парте. Алексей боялся хватить лишку. Но взгляд месье Колинара придал ему уверенности. Учитель поддержал его улыбкой. Алексей вернулся к спокойной, менее чеканной речи. Джинны удалялись, их шум таял в тишине ночи:

Все проходит;
пространство
стирает
шум.

Он замолчал, и хохот усилился. Месье Колинар, свежее лицо

которого опиралось на жесткий со скошенными углами воротник, постучал по краю кафедры линейкой:

– Тихо! Очень хорошо, Крапивин. Вы постарались прочесть с выражением. Семнадцать из двадцати!

Сердце Алексея колотилось от радости. Сидевший через ряд Тьерри Гозелен повернулся и аплодировал ему. Можно ли желать лучшего? Пять минут спустя встал его друг, чтобы прочитать отрывок из «Смерти волка».

У Тьерри Гозелена была короткая – из-за горба конечно же – грудь и длинные ноги. Когда он сидел, то казался маленьким, когда стоял – нормальным. Скрестив на груди руки, он решительно начал:

> Волк проходит и садится, погрузив передние лапы
> С крючковатыми ногтями в песок…

Его голос казался монотонным. Он трижды запнулся, читая текст, и получил только четырнадцать. На переменке Тьерри поздравил Алексея.

– Я не силен в чтении, – сказал он, – но что ты думаешь о стихах?

– Очень красиво, – ответил Алексей. – Особенно, когда речь идет о том, как нужно уходить из жизни.

– Да. Благородный пример мужества. Только поэтому я и выбрал его. Каждый из нас должен помнить о нем в момент смерти.

– Ты часто думаешь о смерти?

– Да. А ты?

– Я тоже, – вдохновенно подтвердил Алексей.

На самом же деле он совсем о ней не думал, но ему хотелось попасть в тон настроения своего друга. Мгновение они помолчали, наслаждаясь метафизическим отчаянием посреди мальчишеских шалостей. Их товарищи играли вдали в футбол. Неожиданно старшеклассник – грубиян по имени Нейра – перехватил мяч и, убегая, толкнул Тьерри Гозелена, который, потеряв равновесие, тяжело упал на гравий. Алексей бросился за ним и, схватив его за руку, прокричал в лицо:

– Не можешь ли быть повнимательнее, мерзавец?

Нейра рывком освободился и показал Алексею кулак:

– Ты, большевик, заткнись, если не хочешь, чтобы я раздавил тебя как клопа!

– Я не большевик, – закричал возмущенный Алексей. – Я русский белый!

– Все русские – предатели! – возразил Нейра. – Мы проиграли

из-за них в семнадцатом!

– Вы проиграли из-за красных, а не из-за белых. Белые, наоборот, хотели продолжить войну вместе с вами!

– Для меня что белые, что красные – одно и то же! Вы – грязные иностранцы, не более того! Пошел вон, сопляк! Убирайся в свои степи!

Он грубо толкнул Алексея. В это время к ним быстрыми шагами приближался надзиратель.

– Кончай драку! Разойдись! – приказал наставник.

Нейра пнул ногой мяч и удалился вразвалку. Тьерри Гозелен поднялся, отряхнул одежду. У него была поцарапана щека.

– Спасибо, что вступился за меня, – пробормотал он. – Но не стоило. Я слышал, что сказал этот дурак. Никто не думает так, как он. Все нормальные люди понимают разницу между нашими русскими союзниками и теми, кто нас предал.

– Не уверен! – возразил Алексей.

– Не сомневайся! Такие нейра будут всегда!.. Они не в счет… Презирай их, это все, чего они заслуживают…

– Ты оцарапал себе щеку…

– Ничего, – ответил Тьерри Гозелен, прикладывая к щеке носовой платок.

Его узкое лицо неожиданно осветилось улыбкой.

– Я хочу, чтобы ты пришел к нам в воскресенье в гости, – сказал он. – Я познакомлю тебя с моими родителями.

Неожиданное предложение застало Алексея врасплох. Он обрадовался и смутился. Его никогда еще не приглашали к себе французы. Сможет ли он вести себя так, как это у них принято? Алексей испугался. Однако соблазн оказался сильнее страха. И он прошептал:

– С радостью, старик.

– Значит, договорились: завтра в четыре часа. Я дам тебе свой адрес в классе.

После уроков они вместе вышли из лицея. Тьерри Гозелена, как всегда, ждала припаркованная у ограды машина. «Делаг» бутылочного цвета с длинным капотом и двумя запасными шинами, закрепленными сзади на багажнике. Шофер в ливрее прохаживался рядом. Тьерри Гозелен сел в машину и помахал Алексею. Машина тяжело тронулась и покатилась по Инкерманскому бульвару. На тротуаре толпились ученики. Лавалетт толкнул Алексея локтем и громко сказал:

– Богач! Родители повсюду таскают его на машине. Даже тогда, когда он покупает книжки, его сопровождает шофер!

– Ты откуда знаешь?

– Он мне сам сказал. Над ним трясутся, естественно, потому,

что он убогий. Как бы то ни было, но у него отличная колымага!

Алексей на мгновение задумался. Все в Тьерри Гозелене казалось ему загадочным. Его горб, ум, его образованность, его богатство. Что нового узнает он завтра о своем друге? Он был так поглощен этим вопросом, что лишь мельком заметил двух девушек, выходивших из средней школы. В этом заведении, расположенном напротив, учились очаровательные юные особы, и порой между ними и старшеклассниками из лицея Пастера завязывалась идиллия. Однако мальчикам не разрешалось пересекать дорогу. Сентиментальные встречи могли назначаться только в конце бульвара у церкви Святого Петра. Тем не менее иногда какой-либо смельчак, игнорируя правила, отваживался перебраться на противоположную сторону и протягивал между деревьями веревочку, рассчитывая, что одна из этих барышень упадет. Однако трудился он напрасно. Чаще всего девушки обнаруживали ловушку. Они тоже носили в портфелях тетрадки и книжки. Хотя трудно было поверить, что они что-либо учили. Казалось, что они находились там только для того, чтобы будить воображение мальчиков. Алексей посмотрел вслед двум девушкам, которые шли держась за руки и громко смеялись. Они не отличались красотой. И были много старше его. Шестнадцать лет, как минимум. У той, что шла справа, была оформившаяся высокая грудь. Наглый двоечник Паскье пересек улицу и пристал к ним. Они одернули его, и он, хихикая, вернулся. Он не струсил. А Алексей никогда не отважился бы. Ему казалось, что девочки принадлежали непостижимому миру шепота, хитрости, слабости, секретов и грации. Паскье, считавший Алексея за хорошего товарища, показал ему на прошлой неделе «сальную» газету. Там были изображены голые женщины в вызывающих позах. Эти картинки настолько потрясли Алексея, что две ночи подряд он видел их во сне. Паскье говорил, что у него их целая куча дома. Эти грязные штучки приносил ему старший брат, и он читал их, закрываясь в уборных. В который раз он предложил Алексею купить несколько газет.

– Двадцать су за каждую, – сказал он. – Это недорого!

Алексей отказался. У него не было денег, и, кроме того, он стеснялся обнаружить перед Паскье низменный интерес к женской анатомии. Тьерри Гозелен, казалось, игнорировал проблемы секса. Во всяком случае, никогда не говорил о них. Конечно же из-за убогости. Он был всего лишь сгустком ума. Поднявшись вверх по бульвару, Паскье повернул направо, на авеню Руль.

Избавившись от него, Алексей вновь подумал о «Джиннах», принесших ему такую хорошую оценку. После второго места за

сочинение по французскому это был еще один успех на этой неделе. Если бы его результаты по другим предметам, особенно по математике и латыни, не были столь незначительными, он бы смог соперничать с Тьерри Гозеленом. Однако хотел ли он этого на самом деле? Ему достаточно было находиться в тени друга.

Вернувшись домой, он застал только мать, занятую приготовлением обеда. Заведомо непринужденным тоном Алексей объявил о своем новом успехе. Она поздравила его, поцеловала и сказала, что если он по-настоящему любит поэзию, то никогда не потеряется в жизни.

– Знаешь, – сказала она, – когда мне бывает особенно трудно или грустно, я читаю стихотворения Пушкина, и все проходит!

И для того, чтобы убедить его в этом, прочла стихотворение об одиночестве и скуке, которые испытывал Пушкин во время снежной бури в своем деревенском доме. В который раз она намеренно пыталась разбудить в сыне интерес к русской литературе. У нее был мелодичный голос и великолепная дикция, однако Алексей остался равнодушным к красоте языка, лелеявшего его детство. Он бы охотно отказался разговаривать на нем. Привязанность матери ко всему, что касалось России: речи, музыке, привычкам, кухне, воспоминаниям… – показалась ему вдруг немного смешной… Слушая, как она читает стихи, он чувствовал странную угрозу своей независимости. Это походило на то, как если бы она хотела заставить его съесть нелюбимый десерт под предлогом того, что всем остальным он нравится. Что будет он делать с какими-то Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, когда перед ним вся литература Франции? Он не сменит французскую реальность на русский мираж! Было бы обманом провозгласить себя человеком, принадлежавшим одновременно двум родинам. Можно быть гражданином только одной земли, обладать только одним наследием. А для него это наследие было связано с Мольером, Расином, Лафонтеном, Бальзаком, Гюго… Он, конечно, не прочитал у них всего – до этого далеко! – но их имена с утра до вечера звучали в нем. Они были частью воздуха, которым дышали в лицее. А его родители – люди не только другой страны, но и другого времени. У них больше не было ни корней, ни будущего. Их сын отказывался быть потерпевшим кораблекрушение, как они, и это совершенно естественно. Он повернется спиной к призрачной России и пойдет вперед по твердой французской земле. Это было для него вопросом жизни и смерти. Мать наконец замолчала. Он смотрел на нее – сияющую, вдохновленную прошлым – и жалел ее.

– Тебе понравилось? – спросила она весело.

– Очень, – пробормотал он, неловко улыбнувшись.

– Пушкин написал это стихотворение, вспоминая ссылку в Михайловском, где он в уединении жил со своей старой няней.

– А!

– Это такой поэт! Даже больше чем поэт, друг, друг всех русских! Он умер восемьдесят семь лет назад, а мне кажется, что он здесь, за дверью, что сейчас войдет и заговорит со мной… Странно!..

– Да, да, – разочарованно вздохнул Алексей.

И добавил так, как если бы речь шла о незначительной для него новости:

– Знаешь, завтра я приглашен к Тьерри Гозелену.

Мать на мгновение удивилась – в глазах ее промелькнуло беспокойство, – затем, улыбнувшись, сказала:

– Тьерри Гозелен – это твой горбатый друг?

– Да.

– Хорошо, Алеша! Но у тебя ничего нет подходящего из одежды. Я отпущу рукава твоего голубого костюма.

III

Алексей застыл от долгой неподвижности и задумался. От приторного запаха ладана немного кружилась голова. Перед глазами мелькали тысячи огоньков свечей, блистала византийская позолота иконостаса. Где-то в вышине, под сводами храма терялся мощный, волнующий сердце голос хора. Он не мог сосредоточиться на молитве. Взгляд его скользил от огромного бородатого священника в колышущейся ризе к толпе верующих, тесно стоявших рядом друг с другом и медленно время от времени осенявших себя крестным знамением. Никого, кроме русских. Здесь наконец они были у себя дома. Франция осталась за стенами храма. Крапивины не были глубоко верующими, однако часто по воскресеньям отправлялись в православную церковь на улице Дарю и требовали, чтобы сын был вместе с ними. Алексей догадывался, что родители ходили в церковь не столько для исполнения своего религиозного долга, сколько для того, чтобы побыть среди соотечественников. Они стояли среди изгнанных, плечом к плечу с ними. Их объединяли одна вера, одна нужда, одна надежда.

Когда над склоненными головами раздались последние слова священника, толпа покорно направилась к выходу. В саду объединились в группки. Приветствовали друг друга. Обменивались последними новостями эмиграции. Наблюдая это беспорядочное движение, Алексей думал о лицее. Здесь, как и там, был перерыв. Но перерыв мирный, без крика, беготни, игры в мяч. Перерыв взрослых, перерыв, во время которого говорили только по-русски.

У ограды к Крапивиным присоединились несколько знакомых. Алексей торопился вернуться домой к обеду. Сегодня во второй половине дня у него назначена встреча с Тьерри Гозеленом. Все остальное его не интересовало. Он нервничал, слушая, как родители вновь и вновь обсуждали смерть Ленина. Все возмущались грандиозными похоронами, устроенными этому «антихристу», мавзолеем на Красной площади, поклонением набальзамированному трупу. И наконец, верхом оскорбления было решение Советов переименовать Петроград в Ленинград!

– Петр Великий гениально задумал этот город, – сказал Георгий Павлович. – А что с ним сделал Ленин? Город голодает, обезображен, раздавлен полицейским террором. Ленин не имеет на него никакого права!

– Я считаю – что переименовать Петроград в Ленинград – значит плюнуть в лицо Святой Руси! – подхватил господин

Болотов.

– Не понимаю, как жители Петрограда согласились на это! – пропищала крупная дама в шляпке с перьями.

– А что могут сделать эти несчастные? – вздохнула Елена Федоровна. – Они на крючке. Недовольных забирает ЧК.

К кружку подходили все новые и новые люди. Их лица разгорячились, покраснели. Некоторые утверждали, будто бы из верных источников знали, что Англия собирается признать СССР.

– Англичане никогда не были нашими друзьями, – отрезал Георгий Павлович. – Что касается Франции, то я спокоен. Она не последует их примеру!

– Подождите, пока левые придут к власти, тогда и посмотрим! – воскликнул господин Болотов.

Разошлись около двух. Алексей изнемогал от усталости. Он наспех пообедал, торопясь приготовиться к важной встрече. Надел голубой костюм, рукава которого отпустила мать, и посмотрелся в зеркало. Лицо не понравилось ему. Слишком тонкие черты, мягкий подбородок, зеленые влажные глаза и светлые, зачесанные назад «под дезертира» волосы. Он мечтал, конечно, походить на американского актера Дугласа Фербенкса, однако решил, что ему далеко до него. Хотя любой недостаток можно восполнить умом. Примеры? Тьерри Гозелен! Он не был красив, однако властвовал над всем классом.

Встреча была назначена на четыре часа. В три тридцать Алексей пришел попрощаться с матерью. Надев очки, она чинила носки двух своих, как она говорила, мужчин. Окинув взглядом сына с головы до ног, она осталась довольна. Лучшего оставляли желать только немного стоптанные ботинки, трещины на которых следовало закрасить китайской краской. Маскировка оказалась такой удачной, что заметить ее мог лишь искушенный взгляд.

Тьерри Гозелен жил в Нейи, на бульваре Аржансон. Всю дорогу Алексей пролетел как на крыльях. Придя по указанному адресу, он оказался перед особняком, окруженным садом из подстриженных в виде шаров кустов самшита. У ограды позвонил. Ему открыл мужчина в голубом фартуке и провел до входа в дом. Там другой мужчина в жилете с черно-желтыми полосами поинтересовался целью визита. Алексей смущенно назвал свое имя и сказал, что у него назначена встреча с месье Тьерри Гозеленом.

Мужчина в полосатом жилете невозмутимо провел его в вестибюль, украшенный большими темными картинами, а затем на широкую лестницу, ступеньки которой покрывал поблекший ковер. Поднимаясь по лестнице, Алексей чувствовал себя как в музее, где богатство и красота убили жизнь. Ему неожиданно

показалось, что эти пышные украшения, этот слуга в ливрее напомнили что-то далекое и родное одновременно – дом его родителей в России! Разве он жил еще где-то, кроме Франции? Его смущение росло по мере того, как он осознавал свое открытие, следуя за чопорным, молчаливым слугой. К счастью, на площадке второго этажа его ждал Тьерри Гозелен:

– Привет, старик! Рад, что ты смог прийти!

Одна фраза примирила Алексея с торжественной обстановкой, в которой жил его друг. Тьерри увлек его в свою комнату. Вокруг дивана стояли наполненные книгами шкафы, стол был завален бумагами, брошюрами, а на геридонах[4] там и сям царствовали фотографии знаменитых людей. Алексей узнал Виктора Гюго, Бодлера, Анатоля Франса… Другие лица ему ни о чем не говорили.

– Мой пантеон! – объявил Тьерри Гозелен.

Они сели на диван. Созерцая комнату, Алексей думал, что если бы не революция в России, то и у него была бы своя комната, много книг и слуги. Должен ли он сожалеть об этом? Он настолько свыкся с жизнью на чужбине, что не мог представить себе другого существования, нежели то скромное и незаметное в глубине Нейи рядом с отцом и матерью. Заметив его рассеянность, Тьерри Гозелен заговорил о последних событиях в классе. Они принялись сравнивать достоинства преподавателей. Тьерри Гозелен отметил, конечно же, уроки месье Колинара, однако упрекнул его за слишком строгое следование программе и за то, что игнорировал крупных современных писателей. Сам он был увлечен Анатолем Франсом. И только что открыл для себя какого-то Лотреамона. Он взял со стола книжку и прочитал вслух отрывок из «Песен Мальдорора». На Алексея обрушился поток слов.

– Он что, сумасшедший, этот Лотреамон?

– Да! Но без сумасшествия не бывает поэзии!

– Так ведь ты любишь Анатоля Франса, а он твердо стоит на ногах!

– Анатоль Франс не поэт. Это великолепный прозаик с холодной головой.

– Лотреамон тоже пишет прозой!

– Необязательно писать стихи, чтобы быть поэтом.

– А! А я думал…

– Ты задержался на системе ритмов и рифм… Это устарело, старик… Хотя мне нравятся и простые стихотворения…

– «Смерть волка»?

– Конечно. Но и более современные. Я прочитал молодого поэта Кокто. Знаешь?

– Нет.

– Шикарно! Колинар никогда с нами не будет говорить ни о Лотреамоне, ни о Кокто. Я откопал сборничек Кокто в книжной лавке. Он только что вышел. Послушай.

И, взяв книжечку с полки, он начал читать. Алексей зачарованно слушал. Все казалось ему прекрасным в устах Тьерри Гозелена. В дверь постучали. Горничная принесла поднос с угощением и поставила на стол среди бумаг.

– Оставьте, Эмили, – сказал Тьерри Гозелен. – Мы все сделаем сами.

Какао оказалось нежным, душистым, пирожные с медом – отменными. За едой мальчики продолжали говорить о литературе. Познания Тьерри Гозелена казались неисчерпаемыми. Где он нашел столько времени, чтобы проглотить кучу книг? Кроме того, он был первым в латыни – этом мертвом языке, которым пользовались только на уроках! Рядом с ним Алексей чувствовал себя глубоким невеждой. Неожиданно он решил, что предпочел бы быть горбатым, но таким же умным и образованным, как его друг.

– Родители тебе все разрешают читать? – спросил он.

– Абсолютно все. Сейчас я погрузился в роман Колетт «Хлеб из травы». Неплохо. Это история об одном типе нашего возраста, который любит девушку и спит с настоящей женщиной. Описания иногда очень смелые, но верные.

– Что ты об этом знаешь?

– Необязательно попробовать, чтобы знать… Ты уже влюблялся, Крапивин?

– Нет. А ты?

– Я тем более. Для меня с моим странным видом это нормально. Я смотрю на девушек и говорю себе, что ни одна из них никогда не захочет меня. И это успокаивает. Я как Бодлер, как Мопассан. Вижу в женщине только инструмент для наслаждения. Я буду оплачивать курочек. Без всякого чувства. Это мудро. Ты, напротив, красивый парень. Значит, познаешь все ложные увлечения, глупые надежды, иллюзии, разочарования… Мне жаль тебя, старик!

Он неловко рассмеялся. Польщенный тем, что его назвали «красивым парнем», Алексей возразил:

– Ты чудак, Гозелен! Вот увидишь, что и ты однажды влюбишься и, может быть, даже женишься!

– Жениться, чтобы стать рогоносцем! – воскликнул Тьерри. – Нет уж, спасибо! У меня другие планы!

– Какие?

– Я хочу стать писателем. А ты, Крапивин, будешь актером.

– С чего ты взял?

– Я слышал тебя на уроках. У тебя есть все, чтобы подняться на сцену. Ты будешь играть в моих пьесах!

– Не думаю, – сказал Алексей. – Я тоже хочу писать, публиковаться…

– На французском или на русском?

– Что за вопрос? На французском, конечно же! Я едва могу по-русски писать. Даже если бы я и знал его прекрасно, я не хотел бы писать на нем. Да и кто читает теперь русских писателей? Никто! Или такие старики, как мои родители…

– Ну что ж, тогда мы оба будем писателями. И лучшими во Франции! Мы будем поддерживать друг друга! Будем вместе читать наши рукописи! Будем безжалостны друг к другу! Безжалостны и неразлучны!

Тьерри Гозелен ликовал, его щеки раскраснелись, светились глаза. Он так верил в свои слова, что и Алексей увлекся эйфорией верного успеха. Будущее внезапно засияло перед ним солнцем дружбы и славы.

– С сегодняшнего дня я буду звать тебя Алексей, а ты меня Тьерри, – решил он.

И протянул Алексею руку. Тот с силой пожал ее.

Охваченные волнением, они некоторое время стояли молча, глаза в глаза, затаив дыхание. Потом Тьерри вздохнул:

– А ведь завтра опять придется идти в нашу «контору». Тебе не кажется, что друг от друга мы узнаем больше, чем от всех этих учителей, вставляющих нам палки в колеса?

Алексей не успел ответить. Послышались чьи-то шаги. В комнату вошли родители Тьерри. Маленький, сухой, седовласый отец шел прыгающей походкой. Глаза темноволосой, хрупкой матери были обведены кругами. Тьерри, как и его родители, выглядел хрупким и болезненным. У него был такой же пронзительный взгляд. Широким жестом он представил им Алексея:

– Алексей Крапивин, мой лучший друг!

Алексей поднялся. Месье и мадам Гозелен доброжелательно расспрашивали его об учебе. Они знали от сына, что Крапивины покинули Россию во время большевистской революции.

– Это, вероятно, потрясло ваших родителей, – сказала мадам Гозелен.

– Они все потеряли, – ответил с некоторым пафосом Алексей. Он был горд и в то же время смущен своим исключительным положением эмигранта. Чувство неординарности боролось в нем с мирным желанием походить на товарищей в классе. Если вчера еще он страдал от того, что был русским, то теперь, почувствовав

интерес, который проявили к нему Гозелены, спрашивал себя: разве его судьба не исключительна?

– Чем занимается ваш отец? – спросил месье Гозелен.

Алексей покраснел. Мог ли он признаться этому господину, которого все в лицее называли известным архитектором, что его собственный отец был коммерческим служащим?

– Он руководит делопроизводством в конторе, – пробормотал он, отводя глаза.

Потом, вдруг подняв голову, добавил с вызовом:

– Это совсем маленькое дело. Но в России у него были прядильные и ткацкие фабрики. Мы были очень богаты!

– Страшное время! – вздохнула мадам Гозелен.

Она выглядела слабой, почти болезненной. Шаль из черного кружева покрывала ее плечи, руки были бледны, как воск. Она обняла сына. Тьерри прижался к ней. Он, конечно, любил свою мать. Как и Алексей. В этом было еще одно их сходство. Он хорошо чувствовал себя в этом доме, который поначалу произвел досадное впечатление.

– Знаете, мама, Алексей очень талантлив, – сказал Тьерри. – Вчера утром он порадовал месье Колинара «свободным изложением».

Алексей удивился тому, что Тьерри называл мать на «вы». Это, несомненно, в обычае у добропорядочных французских семей. Он собирался было ответить, что этот школьный успех не имел значения, как Тьерри, повернувшись к нему, предложил:

– Я хочу, чтобы ты рассказал «Джиннов» моим родителям так, как рассказывал их в классе.

Смертельный испуг охватил Алексея. Скованный робостью, он подумал, что никогда не осмелился бы выставить себя напоказ перед такими значительными людьми, как месье и мадам Гозелен. С трудом пробормотал:

– Нет, это невозможно!

– Но почему же? – сказала мадам Гозелен. – Было бы очень приятно!

Алексей лихорадочно подыскивал оправдание.

– Я… Я не помню стихотворения, – пробормотал он.

– У меня есть книга, – сказал Тьерри. – Прочтешь.

– Нет.

– Прошу тебя как друг!

Настойчивость Тьерри начала раздражать Алексея. Разозлившись на того, кого еще мгновение назад называл своим лучшим другом, он, не владея собой, вдруг крикнул:

– А я тебе говорю в последний раз – нет!

– Жаль, – сказал месье Гозелен, улыбнувшись. – Не будем

настаивать. Мы вас оставим…

И он вышел вместе с женой.

«Вот, – подумал Алексей, – я оскорбил их своим отказом, их, родителей моего лучшего друга. Я негодяй! Но я не мог согласиться, не мог…» Стыд, досада, угрызения совести овладели им. Он взглянул на Тьерри. Тот молча, с саркастическим видом играл разрезным ножом.

– Ты сердишься на меня? – пробормотал наконец Алексей.

– Отчего же? – ответил Тьерри. – Каждый свободен в своих решениях. Мне просто жаль. Поговорим о другом.

Но Алексею не хотелось разговаривать. Очарование было разрушено. Ему больше нечего делать в этой семье, где он так неумело повел себя.

– Уже поздно, – вздохнул он. – Я пойду…

– Останься еще ненадолго, – предложил Тьерри неуверенно.

– Нет.

– Тогда до завтра.

– До завтра, да.

Тьерри проводил его на первый этаж. Спускаясь по большой, устланной зеленым ковром лестнице, Алексей говорил себе, что дом его прогоняет. Из-за оплошности благородная дружба разбилась. Джинны сыграли с ним плохую шутку. Это их дьявольская затея. Он никогда не придет в себя после этого. Хотелось крикнуть: «Я дурак! Извини меня! Скажи, что все осталось по-прежнему!» Но гордость удержала его. Он глупо улыбнулся и пробормотал:

– Пока, старик.

– Пока.

Выйдя на улицу, он побежал, чтобы прогнать навязчивые мысли. Он наказывал себя за глупость. Бежал, бежал. Было холодно, но по шее его струился пот.

Дома была одна мать. Отец еще не вернулся с работы. Подняв глаза от иллюстрированной газеты, она спросила:

– Ну как, все хорошо было у Тьерри Гозелена?

– Очень.

– Что вы делали?

– Ничего особенного.

– Как у них?

– Прекрасно.

– Расскажи!

– Нечего рассказывать, – сухо ответил он.

И растянулся во весь свой рост на диване, рассердившись на мать, задававшую абсурдные вопросы, на себя самого за неуважение к родителям Тьерри и на весь белый свет, не

понимавший его. Неожиданно, с отчаяньем, он подумал: «Я никогда не буду писателем. Я буду читать книги других, но никогда и ничего не напишу сам. Я буду лишь аплодировать успехам Тьерри. Да, но захочет ли он, чтобы я остался его другом после того, что произошло?» Минуту спустя, увидев, что мать собирается накрывать на стол, он поднялся помочь ей.

IV

Из-за дождя перемена прошла под крышей. Гам стоял такой, что разговаривать было невозможно. Впрочем, Алексею казалось, что Тьерри больше не искал его общества. Он держался поодаль, среди старших из первого класса, обменивавшихся марками. Он, конечно, сердился на него за неловкий отказ накануне. Озабоченный этой мыслью, Алексей провел все утро в состоянии нервного напряжения. На уроке латинского месье Колинар вызвал его. Но он не знал, что отвечать, так как не выучил задания, и получил ноль. Позорная оценка не расстроила его. Когда в конце уроков ученики помчались в раздевалку, а оттуда в коридор, он задержался, чтобы подождать Тьерри. Некоторое время они шли молча. Дождь кончился. Выйдя на тротуар, Алексей поискал глазами «Делаг». Его не было на обычном месте.

– А разве утром ты приехал не на своей колымаге? – спросил он.

– Нет, – ответил Тьерри. – Она понадобилась родителям. Я пойду пешком. Мне это очень нравится. Если бы ты знал, как надоело ездить с шофером! Кажется, мне сто лет!

– Но ведь это же очень удобно…

– Ерунда! Я обожаю ходить пешком! Хочешь, я пойду с тобой?

Алексей обрадовался. Ученики расходились. Они быстро поднялись по бульвару. Алексею пришлось торопиться, чтобы не отстать от сгорбленного Тьерри, который делал большие шаги своими длинными ногами. Но вскоре Тьерри, задохнувшись, остановился.

– Несусь, несусь, и у меня уже закололо в боку! – сказал он. – Черт-те что!

Щеки его раскраснелись. Он закашлялся.

– Без привычки, – проговорил он, сморщившись.

Они пошли медленнее. Алексей шагал рядом с другом, и ему казалось, что свой привычный маршрут он проделывает в первый раз. Все изменилось – деревья, дома, прохожие. Лицо Тьерри было серьезным.

– Я все думаю о вчерашнем дне, – сказал он. – Ты был прав в отношении «Джиннов». Их не стоило рассказывать моим родителям. Они ничего бы не поняли!

– Я им, наверное, показался невежливым!

– Ну что ты! Они поняли, что ты оробел. Это все к твоей чести, старик! Но мне так хотелось, чтобы ты их поразил, как поразил меня!..

Он засмеялся. Алексей засмеялся тоже, испытав облегчение.

Почувствовав прощение и поддержку, он радостно сказал:

– Не представляешь, как ты меня обрадовал! Я так переживал!

– Я тоже, – признался Тьерри. – Казалось, что между нами пробежала черная кошка. Мне было так тяжело! Забудем!

Они пришли на авеню Сен-Фуа. У входа в дом Алексей поблагодарил Тьерри за компанию.

– После обеда – история и география! – громко сказал он. – Этот старый рутинер Бершу такой забавный! Пока! Нужно торопиться! До встречи!

Однако Тьерри не сдвинулся с места, загадочно улыбаясь.

– У нас еще целых пять минут, – сказал он. – Я могу зайти к тебе домой?

– Ну да, – пробормотал Алексей.

Он очень испугался. Можно предположить все, но только не встречу родителей с Тьерри. Столкнутся два мира, которые, как он думал, не должны знать друг друга. Как примет его друг ностальгический, затхлый запах изгнания и бедности?

Он прошел вперед, осторожно заметив:

– Только я тебя предупреждаю: у нас очень маленькая и очень простая квартира… У меня даже нет своей комнаты…

– Ну и что! Ерунда! – сказал Тьерри. – Мы ведь найдем уголок, чтобы поболтать?

Алексей провел его к лифту, который, как это ни странно, не был сломан. Выходя из застекленной кабины на площадку четвертого этажа, он вновь заволновался. Дверь открыла мать. Она вышла прямо с кухни в голубом фартуке. Алексей смутился. Она неторопливо, не стесняясь, сняла его.

– Вот, мама, – объявил он резким голосом. – Со мной пришел Тьерри Гозелен.

– Прекрасно! – сказала Елена Федоровна, приветливо улыбаясь. – Нам столько о вас рассказывали! Добрый день. Пожалуйста, проходите!

Ах, этот акцент! Чего бы Алексей не отдал за то, чтобы мать безупречно говорила по-французски. А она, казалось, совсем не была смущена нежданным приходом Тьерри. Спокойно, как если бы принимала в собственном замке, она пригласила его пройти в столовую, где на ужасной, потертой, белой в красную клетку скатерти уже стоял прибор. Георгий Павлович читал газету. Он встретил гостя также радушно и просто. Отец говорил еще хуже, чем мать. Расположились все вместе в глубине столовой. Алексей и Тьерри рядом друг с другом на диване, родители напротив, на стульях. Тьерри осмотрел комнату. Его молчаливое любопытство смущало Алексея. Все казалось ему ужасным, с тех пор как

Тьерри вошел в квартиру. Тем временем отец и мать, не замечая его растерянности, продолжали разговаривать. Речь конечно же шла о лицее и учебе… Как банально!

Неожиданно взгляд Тьерри остановился в углу комнаты.

– У вас прекрасная икона, – сказал он.

– Да, – вздохнула Елена Федоровна. – Она досталась мне от моих родителей. Мы привезли ее из России. Это все, что нам осталось от той жизни!

«Ну вот, началось! – подумал Алексей. – Сейчас она еще начнет рассказывать о нашем былом богатстве!» Он умоляюще посмотрел на мать. Но она продолжила:

– В самом деле, этот святой лик является частью нашей семьи. Богородица берегла мой сон в детстве. А теперь бережет сон Алеши…

– Алеши? – переспросил Тьерри.

– Да… Алексея, если вам так привычнее. Это одно и то же, только по-домашнему…

Алексей сидел как на раскаленных углях. А Тьерри не проявлял никакого удивления, никакой иронии.

– Ты спишь здесь? – просто спросил он.

– Да, – с неохотой ответил Алексей. – На диване.

Тьерри встал и, заложив руки за спину, принялся рассматривать развешанные на стенах русские гравюры.

– Я ничего подобного не видел! Наивно, свежо, великолепно…

– Правда? – воскликнула Елена Федоровна. – Нам тоже очень нравится. Они напоминают нам нашу бедную, навсегда потерянную родину.

– Почему же навсегда? – возразил Георгий Павлович. – Я верю, что мы вернемся!

Упрямство, с которым отрицалось очевидное, раздражало Алексея. Особенно в присутствии Тьерри, саркастический ум которого замечал, наверное, все нелепости их образа жизни. И зачем только он пришел? Они были так счастливы до этого, сохраняя свои русские привычки! «Пусть уходит! Скорее! Скорее!»

– Конечно, – продолжил Георгий Павлович, – мы благодарны Франции, укрывшей нас от несчастья. Но не перестаем надеяться, что наша эмиграция временная. Лишь в одном случае из ста мы можем вернуться на родину, однако именно надежда на этот случай помогает нам жить.

– Я вас очень понимаю, – сказал Тьерри. – Я, наверное, думал бы так же, как и вы, если бы однажды мне пришлось эмигрировать.

– Боже вас сохрани! – воскликнула Елена Федоровна.

Ее нежное, свежее лицо было спокойным. На минуту все замолчали. Наконец Тьерри тихо сказал:

– Простите… Я должен идти… В два часа уроки.

Он направлялся уже к двери, но ласковый голос Елены Федоровны остановил его.

– Почему бы вам не остаться пообедать с нами? Все очень просто. Прибавим один прибор – и готово! И вы вернетесь в лицей с Алешей.

Не ожидавший такого поворота дел Алексей посмотрел на мать так, как если бы она сказала ужасную глупость. Тьерри, казалось, не удивился.

– Нет. Спасибо, – сказал он. – Меня ждут родители. Я уже опаздываю.

– Может быть, в следующее воскресенье? – предложила Елена Федоровна.

– С удовольствием, мадам.

Тьерри произнес эти слова с улыбкой, показавшейся Алексею насмешливой, оскорбительной даже. Дома он будет, конечно же, с иронией рассказывать о своем посещении Крапивиных.

После его ухода сели за стол. Обед был скромным – холодная говядина под майонезом. И этим-то хотела угостить Елена Федоровна такого утонченного человека, как Тьерри! Алексей с раздражением слушал, как родители лестно отзывались о его друге: «…таком воспитанном, внимательном, умном!» Однако не посмел сделать какое-либо замечание относительно их поведения во время визита. За что он может упрекнуть их? За то, что оставались верными себе? За то, что не разыграли перед иностранцем комедию? Их, казалось, ничто не смутило. Они принимали свою бедность и серость так же спокойно, как семья Гозелен роскошь. Их естественность была подсознательной. «Они не понимают, что выглядят смешно!» – с раздражением решил Алексей.

Он отправился в лицей, не зная, жалеть ему отца и мать или осуждать их. Когда он вошел во двор, то ученики под присмотром двух надзирателей уже строились. У входа в класс к нему подошел Тьерри и с загадочным видом негромко сказал:

– У тебя отличные родители!

– Да? – вздохнул облегченно Алексей. А про себя подумал: «Почему он так пристально посмотрел на меня, почему вдруг отвел глаза?»

V

– А я думаю, – сказала Елена Федоровна, – что нужно приготовить русский обед. Борщ, кулебяку, битки со сливками…

Алексей недовольно запротестовал:

– Нет, мама! Только не это!

– Почему, – возразила она, – мальчику будет интересно попробовать не то, что он ест обычно. Ему понравится.

– Мать права, – сказал Герогий Павлович, вытирая тарелку. – К тому же ей удается кулебяка с капустой! Каждый раз, Алеша, когда она ее делает, тебя первого не оттянешь за уши.

– Меня – может быть, – ответил Алексей с улыбкой. – Но он – другое дело.

– Откуда ты знаешь? Попробуем!

– Нет, папа.

Алексей и сам не мог понять, почему он не хотел, чтобы в следующее воскресенье в честь прихода Тьерри накрыли праздничный стол по-русски. Это, конечно, была реакция сопротивления всему русскому, сопровождавшему ежедневно его жизнь. Они же живут во Франции, черт побери! Зачем это отрицать при каждом удобном случае. Подыскивая объяснение своему отказу, он громко сказал:

– Тьерри очень болезненный… Он придерживается диеты… Ему нужны легкие блюда…

– Жаль, – сказала Елена Федоровна.

Она гордилась своей кухней, премудрости которой пришлось осваивать в эмиграции. В России она никогда не подходила к плите. Убирая после обеда посуду, они продолжали обсуждать меню.

– Тогда что же? – продолжила Елена Федоровна. – Жаркое из говядины с жареной картошкой?..

– Прекрасно, – сказал Алексей. – И никакой водки! Вино!

– Ужасно! – возразил Георгий Павлович, пожимая плечами.

– Это по-твоему, папа! Вы для кого готовите обед – для себя или для него? Уверен, что Тьерри очень понравится! Мама делает такое вкусное жаркое!

Убрав посуду, они вернулись в столовую. Елена Федоровна села в кресло, чтобы починить подкладку пиджака мужа. Георгий Павлович разложил на столе портфель и достал тетрадку со счетами. Он подводил итоги дня. Алексей, растянувшись на диване, читал «Кренкебилль» Анатоля Франса. Эту книгу дал ему Тьерри, сказав: «Увидишь, написано кратко, но очень иронично!» Время от времени Алексей посматривал на родителей – кротких,

смирившихся, озабоченных. Только бы не быть похожим на них! Увлекшись чтением, он думал о своем будущем – деятельном, заполненном риском и удачами. В какой области? Он пока не знал. Тьерри сказал ему, что настоящее имя Анатоля Франса – Анатоль Тибо. Франс[5] – странно! Нужно быть святой наивностью, чтобы выбрать подобный псевдоним! Алексей подумал, что и он хотел бы писать под настоящим французским именем. Но разве недавно он не отказался от литературных планов? Он, конечно, принял решение слишком поспешно. Разволновавшись, он посмотрел на блестевшую позолотой в углу комнаты икону. Этот взгляд, устремленный в минуты переживаний к святому образу, был благочестивой привычкой, восходившей к детству. Он никогда не сможет от нее избавиться. На какое-то мгновение ему показалось, что русская Богоматерь с узким темным ликом, обрамленным богатым серебряным окладом, – как это ни парадоксально, поддерживала его в желании торить свою дорогу среди французов.

Он вновь погрузился в чтение. Этот Анатоль Франс и в самом деле талантлив! Ведь не случайно же дали ему два года назад Нобелевскую премию. Только его имя и мелькало на страницах газет в то время. «Нужно попросить у Тьерри другие книги этого писателя», – решил он. Георгий Павлович закрыл портфель. Елена Федоровна встала – она закончила починку.

– Тебе пора спать, Алеша, – сказала она.

– Да, мама, сейчас…

Ему почему-то вдруг захотелось слушаться ее. Оттого, наверное, что он ее любил. А может быть, потому, что она уступила при обсуждении меню.

В воскресенье 3 февраля 1924 года газеты вышли с большими заголовками: Англия признала СССР. И по мнению корреспондентов, Италия и Австрия собирались сделать то же самое. Франция, к счастью, казалось, еще колебалась. Но она отправила в Москву коммерческого посланника. Георгий Павлович, погрузившись в утренние газеты, не скрывал своего разочарования.

– Сотрудничать с этими бандитами, – горячился он. – Какая глупость! Советы экспортируют революцию во все страны, которые признали их. Я рассчитываю, что мудрость Пуанкаре поможет избежать этой катастрофы! Все это ошибки дурака Рамсея Макдональда и английских лейбористов!..

Алексей расстроился оттого, что плохая новость пришлась на день, когда к ним на обед был приглашен Тьерри. Из-за политической ошибки встреча могла пройти в атмосфере

разочарования и горечи. Лицо отца постарело от переживаний. Мать также казалась озабоченной. Алексей украдкой посматривал на нее. Может быть, она повеселеет к приходу Тьерри? Занятая приготовлением обеда, она не пошла на воскресную службу в церковь на улицу Дарю. Георгий Павлович отправился туда один, чтобы встретиться с друзьями и поговорить о «событиях». Оставшийся с матерью, Алексей помог ей убраться и накрыть на стол. Потом хлопотали вместе на кухне. Уступив в главных блюдах меню, Елена Федоровна решила тем не менее начать обед с русских закусок: малосольных огурцов, белых маринованных грибов, балтийской сельди, приготовленной по собственному рецепту…

– Французы изобрели закуски, – сказала она. – Уверена, что нашему гостю понравится!

Она занялась огурцами и селедкой, начала готовить соус. Ее лицо вновь осветилось улыбкой. Она уже забыла, что Англия признала СССР.

– Я рада, что Тьерри – твой друг, – сказала она. – Это хороший мальчик. Но его горб! Он, наверное, так страдает!

– Да, – ответил Алексей. – Но Тьерри никогда не жалуется. Он говорит, что физические радости он заменяет радостями интеллектуальными. Знаешь, мама, он необыкновенный. Он столько читает! И все знает!..

Улыбка Елены Федоровны ободрила его.

– Поверь! – продолжил Алексей. – Ты можешь говорить с ним о чем угодно, он в курсе всего. Даже политики…

– Мы не станем говорить о политике, если хочешь.

– Почему?

– Чтобы не расстраивать отца. Он так сегодня переживает!..

Однако Георгий Павлович вернулся из церкви воодушевленным. Он виделся на улице Дарю с хорошо осведомленными людьми. Скандальное решение Англии было пройденным этапом. В лагере эмигрантов возрождалась надежда. Болотов рассказал, что на Украине прошли мятежи, в Красной армии известны акты неподчинения.

– Это хороший знак! – сказал Георгий Павлович. – Начинается! Если Европа им не поможет, они сдохнут как крысы!

Он потирал руки, вдыхая запах жаркого, которое Елена Федоровна поставила в духовку. Алексей радовался неожиданному просветлению после угрозы бури. Праздник мог начаться. Все было готово, когда Тьерри позвонил в дверь.

Он держал в руках букет. Девять роз чайного цвета. Елена Федоровна порадовалась красоте цветов и поставила их в вазу. Сели за стол. Алексей и мать подавали блюда. Тьерри похвалил

закуски и попросил еще мяса. Он казался счастливым в обществе людей, так непохожих на его окружение. Может быть, это было лишь проявлением «вкуса жизни», как говорила мама? В любом случае Алексей был признателен другу за то, что он так легко принял странности семьи Крапивиных.

В оживленном разговоре даже не коснулись советско-британских отношений. После кофе родители собрались уходить. Им надо было присутствовать на лекции в русском литературном кружке. Алексей с радостью остался наедине со своим другом. Они сели на диван. Тьерри вздохнул:

– Я объелся! Так вкусно!

– А что бы ты сказал, если бы я разрешил готовить матери? Она хотела накормить тебя русской едой!

– Мне, конечно, понравилось бы! – уверенно сказал Тьерри.

«Вновь „вкус жизни!“» – подумал Алексей. Он собирался было ответить шуткой, но друг опередил его:

– Ты что-нибудь помнишь о России?

Вопрос обескуражил Алексея настолько, что он не сразу смог ответить. Тьерри вызывал его на доверительный разговор, и он должен быть искренним. Трудная задача. Наконец он тихо сказал:

– Помню ли? Да, немногое. Но я не знаю, мои ли это воспоминания или их подсказали мне родители.

– Расскажи.

– Это не очень интересно!

– А я уверен, что да.

– Хорошо. Ты сам хотел.

И Алексей рассказал, путаясь, о том, что пришло ему на память о жизни в Москве в большом доме, о бегстве из России, о приезде во Францию. Увлекшись рассказом, он удивлялся удовольствию, с которым восстанавливал забытые картины. Ну вот, как и его родители, он с грустью барахтался в своем русском прошлом.

– Великолепно, – сказал Тьерри. – Почему бы тебе не написать об этом в «тетради-дневнике»?

«Тетрадь-дневник» – еще одно изобретение месье Колинара. Раз в неделю, в среду, ученики должны были в тетради ad hoc рассказывать об одном из событий в своей жизни: каникулах, посещении церкви, спортивном соревновании, впечатлениях от чтения или спектакля, прогулке в лес… Упражнение предназначалось для развития пера.

– Нет, – отрезал Алексей, – я никогда ничего не напишу о России.

– Почему?

– Родители слишком много говорили со мной об этом!

Надоело!

– Ты еще более убогий, чем я! – сказал Тьерри, смеясь. – Мне кажется, что если бы я был русским, то кричал бы об этом на всех перекрестках.

– Да! Жизнью в изгнании нельзя гордиться!

– Можно! «Каждый необычный человек достоин того, чтобы его лелеяли как редкое растение» – как сказал старый лис Вольтер.

Алексей насторожился. Почему Тьерри приписывал великим людям большинство оригинальных мыслей, рождавшихся в его голове? Однако хитрость была такой изящной, такой убедительной, что он не посмел упрекнуть его. Он даже поверил в нее. Как если бы на самом деле Вольтер, или Гюго, или Монтень говорили с ним голосом его друга.

– Я удивлю тебя, – продолжил Тьерри, – но я считаю, что твоя принадлежность двум странам – священный дар. У тебя есть возможность читать великих русских писателей в оригинале. Это потрясающе!

– Я очень плохо читаю по-русски.

– Тогда учись. Достоевский, Толстой стоят труда.

– Мне осточертела русская литература, хватит французской!

– Ты и в самом деле придурок!

– Я дочитал «Дело Кренкебилль». Довольно красиво!

– Это безделушка по сравнению с «Преступлением и наказанием»! Но этой книги я тебе не дам.

– Почему?

– Потому, что надеюсь, что ты прочтешь ее по-русски.

– И не думай! У тебя есть еще что-нибудь Анатоля Франса?

– Да. «Боги жаждут». Это один из его лучших романов. Действие происходит во времена Террора. Увидишь, как благородные политические идеи могут перерасти в кровавое безумство. Может быть, это напомнит тебе русскую революцию!

– Тогда это меня не интересует!

– Ты что, дурак?

Алексей взорвался:

– Когда ты наконец поймешь, что мне наплевать на революцию, на Россию, на все, что исходит оттуда?

– Ну, ты даешь, старик! Уверен, что ты совсем не знаешь историю своей страны!

– Не знаю! И не хочу знать! Мне преподают историю Франции в лицее. Этого достаточно!

– Родители не пытались тебя приобщить?..

– Пытались. Но я не захотел. Петр Великий, Екатерина Вторая, Александр Первый, Николай Второй – мне наплевать на

них! Мне нужны Людовик Четырнадцатый, Наполеон, Гамбетта, Клемансо!.. Это прошлое – мое. Я сделал свой выбор. Я хотел бы родиться во Франции, говорить только на французском. Даже моя фамилия мне не нравится – Крапивин… Это смешно!

– Ты хотел, чтобы тебя звали Дюпон?

– Прекрасно! – воскликнул Алексей. – Дюпон, отлично! Дюпон. Дюпон, как всех!

Потом, успокоившись, сказал тихо:

– Прости. Я говорю то одно, то другое. Я верну тебе «Кренкебилль» и прочту «Боги жаждут», потому что, как ты говоришь, это настоящая вещь!

– Я принесу тебе книгу завтра в школу. И ты можешь себе ее оставить.

– Как это оставить?

– Я отдаю ее тебе.

– Спасибо, старик, а я тебе ничего не могу дать. Этим мы всегда будем отличаться друг от друга.

Они замолчали. Как будто бы разговор истощил их последние силы. Им, казалось, больше нечего было сказать друг другу. После тяжелого молчания вновь заговорили о лицее. Им вновь было по четырнадцать с половиной лет. В шесть вечера Тьерри посмотрел на часы и громко сказал:

– Пора отчаливать. Я назначил шоферу время. Он, наверное, ждет меня внизу.

Они подошли к окну. «Делаг» бутылочного цвета стоял у кромки тротуара.

VI

Тьерри переоценил свои силы. Он очень устал после полутора часов хождения по залам музея. Да и Алексей растерялся среди множества картин, окружавших его со всех сторон. Это был его первый визит в Лувр. Открытие шедевров сопровождалось чувством восторга и отвращения одновременно. На улице даже закружилась голова, как от излишней дозы вина. Они сели в «Делаг».

– Нужно будет как-нибудь вернуться сюда, – сказал Тьерри, – хочется посмотреть ранних итальянцев…

Алексей согласился, хотя этому экскурсу в мир шедевров живописи он предпочел бы долгие задушевные разговоры с другом. Что особенно поразило его во время этой художественной прогулки, так это обилие обнаженных женщин, украшавших стены. Они взывали отовсюду похотливыми позами, и никого, казалось, не смущал этот парад грудей, задов и животов. Холст, особенно взволновавший его, – «Источник» Энгра. Алексей довольно долго рассматривал округлое и в то же время хрупкое тело девушки. Его заворожили небрежно отставленная в сторону нога, ее простодушный взгляд и перламутровая кожа. Он даже захотел купить фоторепродукцию картины. Однако не было денег. Два входных билета оплатил Тьерри. И он поторопился уйти. Их ждали к обеду. Третий раз в воскресенье Алексей сядет за стол Гозеленов. Первый визит был неудачным. Он так боялся нарушить французские обычаи. Он посматривал на Тьерри, чтобы знать, как вести и обслуживать себя. Движение слуги за спинами гостей раздражало его. Скованный робостью, он не замечал того, что ел. Мало-помалу любезность мадам и месье Гозелен ободрили его. Ему уже нравился этот церемониал обеда, так непохожего на то, что происходило у него дома. Он чувствовал себя легко, раскованно, как в кинематографе. Впечатление от исполнения роли осталось даже тогда, когда он сидел за спиной шофера в машине. Воспоминания неожиданно нарушил Тьерри:

– Сегодня на обеде будут мои дядя и тетя со своей дочерью Жизелой. Они приятные люди. Сразу после десерта оставим их, чтобы поболтать в моей комнате.

Алексеем овладело дурное предчувствие. Какие они? С месье и мадам Гозелен он чувствовал уже себя как дома. Рядом же с чужими людьми его сковывал страх. Он боялся показаться смешным, неловким, посторонним.

Он недовольно заметил:

– Да? Хотя бы предупредил…

– Это что-то меняет?

– Ничего…

– Знаешь, они симпатичные…

– Сколько твоей кузине лет?

– Восемнадцать. Она хорошенькая… Увидишь, она тебе очень понравится.

Они пришли вовремя и успели лишь помыть руки перед тем, как пройти в отделанную дубом столовую, где в полумраке на белой скатерти искрились хрусталь и серебро. Дядя и тетя Тьерри – месье и мадам Берже – оказались очень любезными и простыми людьми. Их дочь Жизела, напротив, довольно пикантной. У нее было острое лицо, широкие глаза фаянсовой голубизны, постриженные под «гарсона» волосы и свободная, очень современная походка. Во время обеда она развлекала всех удачными шутками. Она знала все светские новости и рассказывала анекдоты о парижских знаменитостях, о которых Алексей никогда не слышал. Родители смотрели на нее с умилением. Алексею она показалась одиозной. Неожиданно Жизела обратилась к Тьерри:

– Странная затея пойти в Лувр! Не там настоящая живопись! Что тебе особенно понравилось из стариков?

– «Философ» Рембрандта, – не задумываясь, ответил он. – Это настолько сильно, настолько глубоко, что захватывает дух!

– В самом деле, – уступила она снисходительно. – Я более или менее помню его… Неплохо… А вам?

Застигнутый врасплох вопросом этой взрослой развязной девушки, Алексей смутился. Внимание всех сосредоточилось на нем. Он почувствовал, как лицо его залила краска, и замер. Для людей высшего общества во всех обстоятельствах необходима искренность. Выдерживая взгляд голубых насмешливых глаз, он пробормотал:

– «Источник» Энгра.

Все на мгновение замерли. Как будто бы нежная обнаженная модель картины с наклоненным кувшином села среди гостей. Алексей понял, что совершил оплошность, открыв свои тайные мысли. Мальчик его возраста не имел права интересоваться женским телом. Месье Гозелен многозначительно улыбнулся.

– Это прекрасное произведение, – сказал он. – Одно из наиболее удачных этого художника.

– Но слишком академичное! – заметила Жизела, дерзко усмехнувшись. Алексей не знал значения слова «академичное». Тем не менее он презирал Жизелу за то, что она иронизировала над картиной. Задира заставляла его защищаться.

– Что же вам на самом деле понравилось в «Источнике»?

Сюжет, девушка, фактура?

– Все, – сказал он, сдерживая раздражение.

– Туманно!

– Нет, правда. Я считаю… Я считаю, что это очень хорошо… Вот…

От стыда хотелось провалиться сквозь землю. Месье Гозелен сменил тему разговора. Принялись обсуждать меры, которые собирался предпринять Раймон Пуанкаре для спасения франка. За обсуждением этой важной проблемы дождались десерта. Кофе выпили в столовой. После чего мальчики имели право уйти. Жизела, само собой, осталась в кругу взрослых.

Оставшись в комнате наедине с Тьерри, Алексей дал волю своей досаде:

– Я дурак!

– Да нет, старик! Нужно всегда говорить то, что думаешь. Ты прав в отношении «Источника». Эта картина и меня заставляет мечтать. Я напрасно стараюсь из принципа презирать женщин, признаюсь, что в некоторых случаях я сдаюсь. Но самое ужасное – это то, что девушка с изящной походкой, позировавшая Энгру, была, наверное, проституткой и спала с ним в мастерской. Меня интересует только это – спала. Остальное ерунда. Жду случая, чтобы проветриться с какой-нибудь путаной. Даю себе еще год, а потом попробую. Что ты думаешь о моей кузине?

– Она хорошая, – пробормотал Алексей. Однако не очень уверенно.

– Что это значит – «она хорошая»? Признавайся сразу же, что она тебя раздражает!

– Похоже, она высокого мнения о себе.

– Она старается казаться педантичной. Но на самом деле это отличная девчонка. И неглупая к тому же. В прошлом году она сдала экзамены на степень бакалавра…[6] «Женщина в основном занимается поисками самой себя» – так говорил отпетый ловелас Виктор Гюго.

«Еще одна фальшивая цитата!» – подумал Алексей с восхищением. И спросил:

– Что она делает?

– Ходит в школу в Лувре, думаю. Но в основном флиртует. Ищет мужа…

В дверь постучали. Это пришла попрощаться Жизела. Она уходила раньше родителей. С воздушной грациозностью она поцеловала Тьерри в обе щеки и протянула руку Алексею.

– Не сердитесь, – сказала она. – Я вас завела с «Источником». Но ваше пристрастие к этой картине было таким забавным! Я не смогла сдержаться. Я невыносима! Тьерри, наверное, сказал вам

об этом…

– Да нет, – пробормотал Алексей. – Напротив…

Она посмотрела на него так весело, с такой радостной улыбкой, что он смутился. Когда она исчезла, он сказал себе, что плохо подумал о ней. Девушки, конечно, большие насмешницы, чем парни. Рядом с ними никогда не знаешь, с какой ноги танцевать. Это, несомненно, один из секретов их обаяния. Неожиданно Тьерри сказал:

– Что ты будешь делать летом на каникулах?

– Не знаю… ничего…

– Останешься в Париже?

– Наверное.

– А мы поедем в От-Савуа, в Сен-Жерве, как каждый год. Это в горах. Там так здорово путешествовать. Ты мог бы поехать с нами на несколько дней…

Алексей воскликнул вне себя от радости:

– Это было бы… это было бы великолепно!

Он уже видел себя в компании своего друга в еловом лесу, на крутых горных тропинках.

– Еще есть время подумать, ведь сейчас только март, – продолжил Тьерри. – Но ты уже можешь поговорить со своими родителями. А я поговорю с моими. Удивился бы, если бы они мне отказали. Ты им понравился!

Вернувшись домой, Алексей сообщил матери о предложении Тьерри. Она обрадовалась и заволновалась. Отдых в горах предполагал некоторые расходы на одежду и минимум карманных денег. А семейный бюджет в этом году был очень скудным. Речь даже шла о том, где найти денег для оплаты учебы за полгода. Управляющий лицеем выражал нетерпение.

– Давай немного подождем, – заключила она. – Дай бог, чтобы отец заработал. Я была бы так счастлива, если бы ты смог поехать со своим другом!

Алексей спустился на землю. Когда отец вернулся из города, Елена Федоровна не сказала ему о планах сына. И Алексей понял, что, настаивая, он задел бы гордость родителей. В самом деле, его место было дома, и ни в каком другом месте.

В тот же вечер, после ужина он решил заполнить свою «тетрадь-дневник». Сюжет не оставлял теперь сомнений – посещение Лувра. Однако он не станет рассказывать об «Источнике» Энгра. В классе над ним посмеются. Он опишет другие картины. Выбор очень широк. На скорую руку он, скучая, выполнил задание, перечитал написанное, лег в кровать и погасил ночник. Однако спать не мог. Он думал то о девушке «Источника», то о Жизеле. Они – обнаженные – мелькали перед

его глазами. Вдруг он почувствовал, как внизу живота побежали мурашки. Его тело напряглось, застыло от желания слиться с неизвестной плотью. Едва сдерживаясь, чтобы не обмочить белье, он помчался в туалет. Страсть охватила его, глаза округлились, рот открылся. Потом, успокоившись, освободившись, он вернулся в комнату и постарался забыть это проявление несвоевременного сладострастия. Однако оно еще долго преследовало его, прежде чем он смог заснуть.

На следующий день в лицее Тьерри сказал ему:

– Мои родители будут рады, если ты поедешь с нами в Сен-Жерве. А твои, ты их спрашивал?

– Да.

– Ну и что?

– Они тоже очень рады, – ответил Алексей с усилием. И, боясь, показаться слишком категоричным, добавил:

– Думаю, что все так или иначе устроится… В любом случае спасибо тебе…

Горло сдавило при мысли о том, что в последний момент, конечно же, придется отказаться от великолепных каникул с другом в горах. И он даже не сможет назвать причину, из-за которой откажется. Остатки честолюбия запрещали ему говорить о затруднительном положении его родителей. В который раз он до кончиков ногтей почувствовал себя сыном эмигранта.

Два дня спустя – еще одна неприятность. Он получил плохую оценку за рассказ в «тетради-дневнике» о визите в Лувр.

– Банально, – сказал месье Колинар. – Вы перечисляете картины и ничего не говорите о них. Такое впечатление, что вы ничего не видели, ничего не испытали среди стольких шедевров!

Эта критика окончательно убедила Алексея в том, что он, конечно, может продолжать интересоваться книгами, но настоящим писателем никогда не станет. Он совсем не огорчился, так как знал, что лишь пример и настойчивость друга заставляли его мечтать о литературном будущем. А Тьерри отметили за оценку холста Рембрандта. Это было справедливо.

Добрую часть урока Алексей витал в облаках. Он не смог сосредоточиться на объяснении месье Колинаром сравнительной психологии персонажей у Корнеля и Расина и, спустившись на землю, принялся рассматривать спину сидевшего перед ним однокашника Флотье – его жилет в зеленую и фиолетовую клетку. Затем углубился в изучение особенностей парты. Погруженная в темное дерево планки фарфоровая чернильница с белыми краями и углублением в центре, заполненным черной жидкостью, походила на расширенный глаз бабочки, неподвижный взгляд которой завораживал его. Он вспомнил глаз Бога, который, как

сказал Гюго, «был в могиле и смотрел на Каина». Виктор Гюго, «этот гигант глагола», как говорил месье Колинар, неужели он расстраивался из-за плохой оценки, неужели сомневался в своем будущем? Вряд ли. Настоящие гении не задают себе вопросов. Только будущие неудачники сомневались на перекрестке дорог.

Выходя из класса, Тьерри остановил Алексея:

– Почему ты не рассказал об «Источнике»?

– Все одноклассники смеялись бы! Как Жизела…

– Ну и что? Плевать на одноклассников! Плевать на Жизелу! Мог бы написать свои воспоминания о России.

– Я тебе уже сказал, что ни за что на свете не сделаю этого!

– А ведь мне ты здорово рассказывал!

– Тебе – другое дело. Мы братья!

Лицо Тьерри приняло многозначительное выражение.

– Ты прав, – прошептал он. – Мы два особенных человека. У нас нет ничего общего с другими. У тебя – из-за твоего происхождения, у меня из-за моей убогости. Жизнь никогда не разлучит нас.

Сутолока перемены заглушала их голоса. И они, как всегда, избегая глупой толкотни, уединились в углу двора, чтобы поговорить о литературе. Тьерри вспомнил интеллектуальную дружбу Монтеня и Ла Боэти. «Типы в нашем роде», – объявил он, смеясь. Алексей ничего не знал об этих двух людях, за исключением того, что сказал месье Колинар в классе, комментируя цитату из «Эссе». Он подумал, что за иронией Тьерри скрывал суть мысли – их отношения такие же искренние, такие горячие, были похожи на отношения Монтеня и Ла Боэти, не постижимые ни для кого из смертных. Монотонная жизнь лицея окружала, но не затрагивала их. Осознав это, он внезапно решил, что не хотел бы торопить приближения каникул.

Подсказка Тьерри, которую Алексей сначала со смехом отверг, не давала ему все следующие дни покоя. В воскресенье он уже сомневался в обоснованности своего отказа; в понедельник нацарапал наспех откровенные фразы; во вторник – написал для следующего «дневника» воспоминания о бегстве семьи Крапивиных из России.

Отдав сочинение месье Колинару, он с тревогой ждал приговора. И уже сожалел о том, что решился пойти на откровение, искренность которого никто, кроме его родителей, оценить не мог. Однако в пятницу месье Колинар объявил, что именно он получает хорошую оценку. Верхом признания было то, что учитель прочитал в классе три отрывка из сочинения. Когда он закончил, большинство учащихся захлопали. Разволновавшись от гордости и признательности, Алексей обернулся и подмигнул

Тьерри. В этот момент из глубины класса раздался насмешливый голос:

– Несправедливо, месье! Он все придумал!

Это был все тот же Дюгазон. Тупица, забавный идиот. Однако обвинение во лжи настолько ранило Алексея, что он хотел было двинуться с кулаками на клеветника. Сосед Лавалетт удержал его за рукав:

– Оставь. Он сказал это, чтобы позлить тебя!

Месье Колинар призвал к тишине взбудораженный класс и заключил:

– Я уверен, Крапивин пережил все, что рассказал. Даже если он и приукрасил действительность, его следует поздравить. Задание выполнено тщательно и с чувством.

Инцидент был исчерпан. Однако, несмотря на похвалы учителя и восхищенные взгляды Тьерри, радость Алексея была омрачена. Мысль о том, что один из одноклассников, пусть даже недоброжелательный задира, заподозрил его во лжи, возмущала, как публичное оскорбление. Ему показалось, что, поделившись своими воспоминаниями, он потерял что-то очень ценное – семейное сокровище, свою самую большую тайну. Но ведь речь шла о прошлом, от которого он отказывался. Он почти сожалел о том, что рассказал о нем в «дневнике»; поди разберись во всем этом!

Во время переменки к нему подошел Тьерри и веско сказал:

– Молодец!

От этого единственного слова на сердце стало легче, на глаза навернулись слезы. Алексей точно не знал, что больше утешило его – одобрение друга или мысль, что родители с радостью узнают о том, что он рассказал французам об их трагическом бегстве из России. Однако из-за странного чувства стыдливости он, вернувшись домой, не обмолвился ни словом о теме, которую выбрал для своего еженедельного рассказа.

VII

С самого начала обеда Алексей пытался заставить себя интересоваться разговором родителей с гостями – господином и госпожой Гутуевыми. Однако он уже сто раз слышал эти глубокомысленные рассуждения о просчетах французской политики во взаимоотношениях с Советами, о глупых раздорах между эмигрантами, одни из которых были монархистами, а другие – либералами, и о том, как трудно найти в Париже честную и хорошо оплачиваемую работу. По правде говоря, французы посмеивались над этими изгнанниками с аристократическим прошлым, ставшими шоферами такси, токарями или портье в ночных кабаре. Госпожа Гутуева – полная, проворная, словоохотливая дама – рассказала, как она отхватила благодаря объявлениям место мотальщицы, не зная даже, в чем заключалась эта работа. Радостное настроение, едва она вошла в мастерскую, заполненную женщинами в серых халатах, сменилось растерянностью. К счастью, старший мастер, «самый что ни на есть настоящий француз», узнав, что она русская, посочувствовал ей и быстро обучил технике электрической намотки нитей на стержень. Причина его снисходительности была проста: добряк – старый служака – хвастался тем, что в декабре 1918 года высадился с французским дивизионом в Одессе, чтобы поддержать белых в борьбе с большевиками. Во время своего кратковременного пребывания там он научился десятку русских ругательств и отпускал их в гинекее,[7] где работали французские женщины. Восхищенная госпожа Гутуева пригласила его к себе на ужин.

– Он очень простой, – сказала она. – Но для нас, эмигрантов, важно, какое у человека сердце!

– Как бы то ни было, – заметил господин Гутуев, – но он не прочь хорошо покушать. И любит русскую кухню!

– И не он один в Париже! – подхватила Елена Федоровна. – Несколько дней назад у нас обедал лицейский друг нашего сына – молодой француз. Так вот, ему очень понравились мои закуски! Приятно было смотреть, с каким аппетитом он ел.

Упоминание имени Тьерри вернуло Алексея на землю. Он вновь оказался в чужом мире. Госпожа Гутуева говорила теперь о двух своих сыновьях, Иване и Глебе, десяти– и двенадцатилетнем мальчиках, которые тоже учились в одном из французских лицеев – лицее Джансон-де-Сейи.

– Однако, – продолжала она, – я хочу, чтобы вместе с образованием, которое получают в лицее, они бы унаследовали

наши национальные традиции. Поэтому я их записала в группу русских бойскаутов. Они ходят туда по воскресеньям. Учат патриотические песни и присягу знамени… Хорошо бы вам отправить туда и вашего Алешу.

Алексей покраснел при этих словах и опустил голову. Все что угодно, но только не это лицемерие во имя легендарного прошлого потерянной страны! Угадав мысли сына, Елена Федоровна сказала:

– Не думаю, чтобы Алеше именно так захотелось проводить свое свободное время!

– Речь идет не о времяпрепровождении, а о лучшем способе пробудить у нашей молодежи любовь к родине!

Вмешался Георгий Павлович:

– Это, конечно, очень хорошо… Но каждый из нас русский по-своему. Алеша более сдержанный, более скрытный…

– Тем не менее надо было бы попробовать. Результаты потрясающие. Иван и Глеб стали ангелами с тех пор, как начали ходить на эти собрания!

Алексей облегченно вздохнул. Он был признателен родителям за то, что неожиданно они встали на его защиту, в то время как должны были бы поддержать чету Гутуевых. Приступили к десерту. Алексей с трудом выдерживал взгляды взрослых. Только бы не спросили прямо о причине отказа. Вдруг госпожа Гутуева, наклонившись к нему, сказала примирительным тоном:

– Если бы ты пошел туда, то мог бы найти себе хороших друзей среди русских детей. Есть прекрасные ребята, и все из хороших семей!

– Мне не нужно новых товарищей, – пробормотал Алексей.

Она продолжала настаивать:

– Отчего же? Что тебя не устраивает? Во всяком случае, не то, что они русские?

– Нет.

– Тогда что же? Поясни, Алеша.

Алексей растерянно посмотрел на мать. Она, конечно, переживала оттого, что он оказался в положении обвиняемого, и в который раз ответила за него:

– У Алеши свой взгляд на эти вещи… Думаю, что со временем…

– А я, – отрезал господин Гутуев, – я считаю, что, теряя время, мы оказываем плохую услугу нашей молодежи. Если мы не станем поддерживать в наших детях уважение к священным ценностям, которые составили славу России, у них вскоре не будет ни воспоминаний, ни родины, ни ностальгии, ни почитания

предков – ничего!..

Казалось, что этот коренастый, усатый мужчина, хотя и был одет в костюм, так и не расстался с военной формой. Полковник в отставке армии Врангеля – теперь служащий водоканала – посмотрел на Алексея строгим взглядом.

– У них будет что-то другое, – сказала Елена Федоровна.

– Ну что ж, ты и в самом деле не хочешь? – продолжила госпожа Гутуева, вновь обращаясь к Алексею. – Если бы ты решился, все было бы очень просто: я бы попросила Ивана и Глеба зайти за тобой…

Алексей взорвался и, вскочив со стула, прокричал:

– Нет! Нет! Нет!

И выбежал из комнаты. Но куда деться после такой выходки? Испугавшись скандала, который вызвал, не подумав о последствиях, он закрылся в комнате родителей. Растянувшись на кровати, он ругал себя за то, что не смог сдержаться. Ведь, выступив против Гутуевых, он оскорбил отца и мать! А он их так любил! Он никогда не давал им почувствовать этого, ведь он был так далек от их занятий и увлечений! «Я – грубиян, эгоист, чудовище!» – повторял он в отчаянии.

Дверь тихонько приоткрылась. На пороге стояла Елена Федоровна. Ее лицо было спокойным.

– Ты, наверное, уже подумал, Алеша, – сказала она. – Нужно немедленно извиниться перед гостями.

– Но я не пойду к русским скаутам! – пробормотал он.

– Ты поступишь как захочешь.

В глазах матери Алексей прочитал нежность и упрек, грусть и вопрос, которые окончательно сбили его с толку. Он пошел за ней, совсем растерявшись. В столовой все взгляды обратились к нему. Неуверенным шагом он двинулся навстречу трибуналу. Как это ни странно, но госпожа и господин Гутуевы, казалось, не слишком сердились на него. Они даже улыбались, как будто бы сцена не была столь драматичной, как ему показалось. Алексей глубоко вздохнул, прежде чем шагнуть в пустоту. Он с трудом шел на это унижение, но он должен поступиться своим честолюбием ради родителей.

– Я прошу вас извинить меня, – произнес он едва слышным голосом.

– Оставим это! – воскликнул господин Гутуев. – Люблю, когда у молодых горячая кровь. В полку мы говорили, что лошадь, которая никогда не артачится во время дрессуры, заслуживает не седла, а оглобли!

– Садись, Алеша, – сказал ему отец.

Алексей переживал, пристыженный всеобщей

снисходительностью. На его тарелке застыл десерт-кисель. Он не очень любил это дрожащее желе из фруктов. Но мать настойчиво, минимум раз в неделю готовила его. Это русское – и, следовательно, вкусное блюдо! Он ел его маленькой ложечкой, ссутулившись и опустив голову. А все уже забыли о происшествии. Родители и гости, погрузившись в свои воспоминания, были за тысячи верст от него.

VIII

Едва семья села за стол обедать, как позвонили в дверь. Алексей пошел открывать и оказался перед молодой телеграфисткой, которая принесла письмо на адрес «господина Крапивина». Прочитав послание, Георгий Павлович удивленно поднял брови и, повернувшись к жене, прочитал вслух по-русски: «Дорогой друг, не могли бы вы зайти сегодня за мной в четыре часа? Мы бы вместе пошли к Злобову. Это хороший адвокат. Я его ввел в курс дел. Может быть, есть что-то новое для нас». Подписано: «Любовин».

Алексей знал от родителей, что этот совершенно разоренный теперь человек был когда-то президентом знаменитой «компании по развитию международных связей», акциями которой владел Георгий Павлович. С 1921 года Любовин тщетно пытался добиться восстановления имущества Компании в Лондоне. Никто не верил, что это ему удастся. Георгий Павлович даже называл его «утопистом», что для такого деликатного человека, как он, было верхом смелости. Лаконичный листок тем не менее давал знать, что на горизонте появилась какая-то надежда. Георгий Павлович положил бумагу в карман и громко сказал:

– Странная история!

– Ты пойдешь? – спросила Елена Федоровна.

– Конечно! Никогда не знаешь…

Вечером он вернулся чрезвычайно возбужденным. Как и предполагалось, он ходил с Любовиным к московскому экс-адвокату. И Злобов, который не имел права практиковать во Франции, но был любимым юридическим советником эмигрантской среды, заверил, что дело можно обжаловать. Он даже был готов заняться им, не требуя предварительной оплаты. В случае благоприятного исхода дела он получит ее из тех денег, которые отвоюют у лондонских банков. Он собирался даже обратиться к своему атторнею[8] в Лондоне. Но процедуру можно было начать только с согласия большинства акционеров. Любовин, к счастью, знал адреса этого большинства акционеров, бежавших из России от большевистской революции и укрывшихся во Франции, Великобритании, Германии, Бельгии… С завтрашнего дня он начнет рассылать им приглашения на общее собрание. Тем же, кому не удастся приехать, достаточно будет переслать свое пожелание президенту, и голосование состоится.

Алексей слушал отца с восхищением. Может быть, в самом деле этот неисправимый мечтатель был прав, веря в неожиданный поворот судьбы? Рассказывая новости, отец походил на

фокусника, который вытаскивал из шляпы зайца.

– Пойми же, Елена, – воскликнул он, – если мы выиграем, как считают Любовин и Злобов, то наша жизнь совершенно изменится! Я больше не буду ходить по домам с портфелем, набитым бумагами! Я заведу свое собственное дело! Франция станет для нас раем…

Елена Федоровна, как обычно, попыталась охладить его пыл:

– Не увлекайся, Георгий. Вы еще ничего не сделали. Банки – какие бы они ни были – английские или французские – не расстанутся так легко с капиталами своих клиентов. У них сильные адвокаты!

– Злобов говорит, что право на нашей стороне! Достаточно будет регулярно собирать общее собрание, и англичане капитулируют.

– И когда же будет это общее собрание?

– Не знаю точно. Нужно соблюсти все необходимые формальности. Злобов предоставит нам для встречи свою квартиру.

– А разве не ты говорил мне когда-то, что у нас в Лондоне очень мало денег?..

– Верно! Тем не менее их достаточно для начала! Даже если мне отдадут третью, четвертую, десятую часть моих акций, я буду самым счастливым человеком на свете!

За столом во время обеда Георгий Павлович перечислял покупки, которые он сделает с получением английских денег: элегантные платья для жены, костюмы из легкой фланели для себя и для Алексея, хорошая мебель вместо старья, которое служило уже четыре года. Ему хотелось поменять и квартиру. Елена Федоровна, пытавшаяся, как всегда, сдерживать вдохновение мужа, казалось, начала сдаваться. Окрыленный несбыточной надеждой, Алексей тоже спросил:

– А в этой новой квартире, папа, у меня будет своя комната?

– Конечно! Большая комната со стеллажами для книг вдоль стен и письменным столом с множеством ящиков!..

Алексей размечтался. Поддавшись всеобщей радости, он уже видел себя посередине библиотеки, в которой будет столько же книг, сколько в библиотеке Тьерри.

– Ах! Если бы все это сбылось! – вздохнула Елена Федоровна. – Но я даже боюсь говорить об этом, Георгий!

Она не считала себя суеверной, однако всякий раз, рассчитывая на успех в каком-либо деле, боялась говорить о нем заранее.

– Когда ты думаешь… это произойдет? – добавила она робко.

– Злобов считает, что дела могут пойти очень быстро, –

ответил Георгий Павлович. – Он считает, что англичане не доведут дело до суда и примут компромиссное решение, сильно уменьшив требуемую сумму. Думаю, что до лета все устроится!

– Тогда мы смогли бы втроем поехать отдыхать на море, – вдохновлялась Елена Федоровна.

При этих словах сердце Алексея радостно забилось. Однако вместо того чтобы отправиться на какой-то курорт с родителями, он лучше поедет с Гозеленами в Сен-Жерве, Тьерри уже пригласил его. Как сказать им об этом, не обидев? С минуту поколебавшись, он устыдился своего эгоизма и промолчал до конца обеда.

Потом, уже лежа в кровати, он размышлял. И в самом деле, можно было бы провести сначала несколько дней с родителями, а потом поехать в Сен-Жерве. Таким образом, у него будут двойные каникулы: на море и в горах! Как у французских мальчиков из высшего общества! Эта мысль примирила его с предложением матери.

В течение нескольких недель он разделял семейное воодушевление. Ждали общего собрания, приглашения на которое разослали заказными письмами. Алексей, естественно, ничего не понимал в этих историях с капиталами, осевшими в Англии, в собраниях акционеров, в угрозе суда, однако ему казалось, что однообразное, грустное существование его родителей начинает изменяться и что они, может быть, находятся на пороге необычных перемен. По вечерам в столовой, после того как убирали стол, Георгий Павлович доставал старые русские документы – отчеты совета правления, подтверждения просроченных долгов, – складывал счета, переводил рубли в ливры, ливры во франки. Алексей не узнавал отца в этом важном, уверенном в себе человеке. Отец неожиданно стал победителем. Как месье Гозелен.

Общее собрание было назначено на воскресенье. Георгий Павлович вышел из дома в три часа с толстым портфелем в руках. Лицо его было сосредоточенным, взгляд – решительным. Алексей и мать наблюдали из окна, как он уходил по улице, а когда обернулся – помахали рукой, чтобы пожелать удачи.

Вечером, в половине седьмого, он вернулся неузнаваемым. Бледный, ссутулившийся, потерянный. Казалось, что его жестоко избили в неравной драке. Елена Федоровна подвела мужа к креслу и заставила сесть. Жена и сын с тревогой смотрели на него. После долгого молчания он сказал упавшим голосом:

– Не было кворума.

– Что это значит? – спросила Елена Федоровна.

– Из пятидесяти четырех акционеров собралось только десять!

Дурак Любовин ничего не знал об оставшихся в СССР. Их, конечно, же не смогли привлечь! Но на собрание не приехали даже те эмигранты, которые живут во Франции, Англии, Германии. Множество писем вернулось к Любовину с пометкой: «Не проживает по указанному адресу» или «Выехал, не оставив адреса»…

– Значит, все кончено?

– Не совсем… Злобов собирается искать, вытаскивать остальных… Но для этого нужно время!..

– Сколько?

– Откуда же я знаю?.. Месяцы, годы, может быть… В любом случае, если нам не удастся собрать необходимое большинство, лондонский банк откажется выдать деньги, даже часть их… Злобов сам мне сказал об этом…

Алексей жалел расстроенного отца, который был похож на ребенка, играющего в фантики вместо денег.

– Не будем больше об этом, – тихо произнесла Елена Федоровна. – Мы были счастливы до этого. Постараемся остаться счастливыми и теперь. Хватит…

– Нет, я еще не сказал последнего слова! – воскликнул Георгий Павлович, неожиданно вскинув голову.

– Да, да, Георгий…

– Я буду трясти Злобова!

– Да.

– Или же найму другого адвоката!

– Конечно!

После долгой паузы Георгий Павлович умоляюще посмотрел на жену и сказал упавшим голосом:

– Ты больше не веришь?

– Нет.

– Напрасно. Я еще тебя обрадую! Вот увидишь!

Он встал, распрямил плечи, неловко улыбнулся и спросил, не осталось ли немного водки, чтобы скрасить ужин, неизменным блюдом которого были поджаренные макароны.

В течение нескольких дней семья жила в ожидании британского чуда. Георгий Павлович несколько раз виделся со Злобовым. С каждой новой встречей адвокат становился сдержаннее. Дома вскоре стали избегать разговоров о лондонском банке. По совету жены Георгий Павлович сосредоточился на поисках заказов на копировальную бумагу, чернильные подушечки и ленты для машинок. Видя, как отец надрывается за четыре су, Алексей все больше и больше убеждался в том, что изгнание родителей фатально. На земле есть белые, черные, желтые, думал он, и есть особая раса – эмигранты. И никто не

может скрыть того, что он эмигрант, как никто не может изменить цвета своей кожи.

IX

После пасхальных праздников Георгий Павлович стал мрачным: его расстраивала политика французского правительства. На выборах в мае большинство голосов получили левые. Он говорил, что это был плохой знак для русской эмиграции, всегда опасавшейся сближения Франции с Советами. Президент республики Александр Мильеран вышел в отставку. На его место парламент избрал Гастона Думерга. Кроме того, во главе правительства вместо Раймона Пуанкаре стал Эдуар Эррио. Последнее назначение особенно беспокоило Георгия Павловича. Он считал, что Эдуар Эррио – последователь радикальных идей – начнет склонять страну к социализму. А социализм – в чем убедились на примере России – ведет к беспорядкам и революции. Дома дела шли все хуже и хуже. Количество заказов уменьшалось с каждой неделей. Алексей, видя эту безысходность, не осмеливался больше говорить с родителями о Сен-Жерве. В середине июня растаяли последние надежды. Однажды утром, когда отец ушел на работу, мать сказала ему, что у них осталось очень мало денег, поэтому придется отказаться от каникул у Гозеленов. Алексей ждал этого отказа давно и тем не менее так сильно расстроился, что в ответ не мог сказать ни слова. Виноватый вид матери заставил его овладеть собой. Жалея ее, он тихо сказал:

– Ничего. Проведу лето в Париже!

Она все понимала и ответила расстроенным голосом:

– Я и отец приняли это решение только после того, как все подсчитали… Ах! Если бы мы получили хоть немного денег из Англии, я бы разговаривала с тобой по-другому…

– Знаю, мама. Не беспокойся. Все устроится.

Вернувшись в лицей, он, в то время как ученики строились во дворе, сказал Тьерри:

– Ничего не получилось, старик. Я не могу поехать с тобой в Сен-Жерве.

– Почему?

Алексей замешкался с ответом и наконец уклончиво сказал:

– Семейные проблемы…

Тьерри посмотрел так, как будто бы, несмотря на недомолвку, понял все. Алексей боялся, что друг заставит его назвать настоящую причину отказа.

Но Тьерри не стал настаивать и сказал просто:

– Жаль! Думаешь – это окончательно?

– Да.

– Родители расстроятся…

Они вернулись в класс и до конца уроков ни разу не заговорили о неудавшемся деле. Однако через два дня Елена Федоровна получила от мадам Гозелен записку и прочла ее сыну. Мадам Гозелен приглашала ее как-нибудь прийти на чай, чтобы «поговорить о наших мальчиках». Записка заканчивалась словами: «Мы будем одни». У Крапивиных не было телефона, хотя Георгий Павлович в течение двух лет говорил, что он необходим для облегчения его коммерческой деятельности. Елена Федоровна спустилась звонить в кафе.

Вернувшись из лицея, Алексей заметил, что мать чем-то озабочена.

– Завтра утром я иду к матери твоего друга, – сказала она.

– Как ты оденешься?

– Я об этом не думала… Скорее всего бежевое платье и шляпка с золотистыми лентами…

Алексею не нравилась эта шляпка. Волнистые поля и стягивавшие ее желтые сатиновые ленты казались нелепыми. Однако он не осмелился сказать об этом. Хотелось, чтобы все восхищались его матерью. Особенно французы. Они такие насмешники! Считают, что это одна из характеристик нации. Вот, например, Жизела живет как будто только для того, чтобы критиковать и смеяться. Потом он подумал: о чем эти две матери, у которых нет ничего общего, будут говорить за чаем? Воспитание детей не может быть бесконечной темой. Они принадлежат к таким разным мирам, что разговор между ними станет довольно скоро затруднительным. Алексей боялся этой встречи и ее результата. На следующий день он с нетерпением ожидал возвращения матери. Она пришла в семь часов. Из-под шляпки, чрезмерно украшенной бантами, сияло радостное уверенное лицо.

– Мадам Гозелен очаровательна! – сказала она, снимая шляпу. – Мы разговаривали как две старые подруги. Ты ей очень нравишься. Она считает, что ты оказываешь великолепное влияние на ее сына, что он изменился, стал более веселым с тех пор, как познакомился с тобой, конечно, она настаивала на том, чтобы ты поехал с ними в Сен-Жерве!

– Ты объяснила ей, что это невозможно? – сказал присутствовавший при разговоре Георгий Павлович.

– Я пыталась, но у нее свои аргументы. У них там дача, где у Алеши будет отдельная комната. Они поедут туда на машине…

Алексей облегченно вздыхал с каждым новым уточнением.

– Удобны ли такие отношения с людьми, которых мы едва знаем? – возразил Георгий Павлович. – Мы будем в долгу.

– Это они будут в долгу, – воскликнула Елена Федоровна. – Если бы ты знал, как они хотят уговорить Алешу поехать с ними, чтобы порадовать сына… Их очень беспокоит здоровье Тьерри. Они готовы на любые жертвы, чтобы доставить ему хоть немного радости. Как ужасно мальчику в его возрасте быть горбатым! В Сен-Жерве Алеша не только приятно проведет время, но и сделает доброе дело. Думаю, Георгий, мы должны согласиться!

Внешне непреклонный, Георгий Павлович всегда уступал воле своей жены.

– Ты права, – сказал он. – Пусть поедет!

Алексей бросился к матери, обнял отца и, отступив на шаг, громко сказал:

– Это будут самые замечательные каникулы в моей жизни! – Хотелось с силой пнуть ногой мяч, побоксировать подушку… Но он, растерявшись от радости, застыл на месте.

За столом во время обеда Алексей чаще, чем обычно, бросал взгляд на мать и нашел ее еще более красивой, чем всегда. На правильном с тяжеловатым подбородком лице мягко светились голубые глаза. Ее маленькие руки с длинными пальцами легко манипулировали ножом и вилкой. После того, как вымыли посуду, она села за вышивку, которую начала на прошлой неделе. Она не могла сидеть без дела. На черной ткани крестом она вышивала жар-птицу из русской сказки. Елена Федоровна хотела накрыть ею единственное кресло в столовой, обивка которого совсем стерлась. Алексей сел напротив и принялся с восхищением рассматривать разноцветные нитки.

В следующий четверг у Тьерри они увлеченно обсуждали предстоящее путешествие в деревню.

– Я тебе все покажу, – сказал Тьерри. – Я знаю отличные уголки! Слушай, у тебя, наверное, нет обуви для похода в горы…

Алексей признался, что нет. Тьерри тотчас отыскал в шкафу пару тяжелых башмаков, застегивавшихся под самые лодыжки.

– Примерь, – приказал он.

Алексей подчинился, смеясь. И чудо! Ботинки оказались впору! Все сопутствовало успеху дела.

Тьерри продолжал:

– Знаешь, по вечерам там бывает свежо. Тебе нужен еще и жилет. Посмотри-ка вот этот! Мне он мал, а тебе, может быть, подойдет! – Жилет тоже был как будто бы с плеча Алексея.

– Ну вот, ты и готов! – воскликнул Тьерри. – Хотя бы побыстрее поехали! Город начинает мне надоедать! Кстати, ты на чем остановился в романе «Боги жаждут»?

Алексей прочитал половину книги, но мнения о ней еще не составил.

– Интересно. Только слишком много действующих лиц, много событий, политики. Теряешься!

– Читай до конца, и мы еще поговорим об этом, – сказал Тьерри. – Я считаю, что это лучшая книга папаши Анатоля. Потом дам тебе произведения Рембо. Это совсем другое! Но тебе тоже понравится!

И прочитал несколько стихотворений из «Пьяного корабля».

«Он любит природу, прогулки, свежий воздух, поэзию; он любит смеяться и размышлять, – радостно сказал себе Алексей. – Это по-настоящему цельный человек. Нужно во что бы то ни стало стать похожим на него!» Он летел домой как на крыльях. Через плечо висели связанные за шнурки тяжелые ботинки. Под мышкой – завернутый в ткань шерстяной жилет. Всем этим он обязан Тьерри.

Такая дружба, как их, не знает условностей. Вернувшись домой, он потряс ботинками перед матерью и весело сказал:

– Посмотри, что я принес! Настоящие горные ботинки! Они такие удобные!

X

Несмотря на открытое окно, в комнате было очень жарко. Алексей сбросил одеяло и привстал в темноте на кровати. Невозможно заснуть после такого насыщенного дня! Со времени их отъезда из Парижа события менялись, как картинки в калейдоскопе. Проехали на машине через всю Францию. Серединой путешествия стал Лион, где провели ночь в большом отеле. Наконец в Сен-Жерве устроились в удобном, приютившемся среди зелени шале,[9] где уже хлопотала прибывшая накануне поездом прислуга. Успели совершить прогулки по окрестностям. Восхитительно! Открытиям не было конца! По правде говоря, это были его первые настоящие каникулы, его первое бегство из города, первая встреча с французской деревней. Сначала с Тьерри и его родителями поднялись на трамвайчике Монблана к перевалу Воза. Перед их глазами предстала ослепительная цепь заснеженных вершин.

В следующий раз ездили в Шамоникс, откуда на фуникулере Монтевера отправились в белый хаос ледяного моря. Когда добрались до этого царства неистовой вечной стихии, Алексею показалось, что он очутился на Луне. А сегодня были ущелья Диозаза с их ревущим потоком. По деревянным мостикам подошли к грохочущей воде. Темной массой со всех сторон громоздились отвесные скалы. Влажным холодом дышала в лицо пропасть. Грохот был таким, что не слышали голосов друг друга. Это было настоящее видение ада с голубым небом наверху. А чуть поодаль вились крутые тропинки, обрамленные горными цветами, дремали старые, с покатыми крышами шале, простирались луга, на которых паслись рыжие коровы с колокольчиками на шее. Звон колокольчика прилетал на заре в шале и лелеял утренний сон Алексея.

А сейчас стояла глубокая тихая ночь. Не зажигая лампы, Алексей встал и подошел к окну. За огромными клубами облаков плыла луна. В ее рассеянном свете на горизонте вырисовывалось впечатляющее сооружение: горная цепь с серебряными гранями и темными разломами. Им овладел религиозный восторг. Он был в храме без крыши, где присутствие Бога ощущалось сильнее, чем на улице Дарю. И все это было французским. Осознают ли свое счастье те, кто живет в этой мирной прекрасной стране? Хотелось молиться этому ночному пейзажу. Он зажег лампу и посмотрел на часы – четверть первого. Неожиданно вспомнилось недавнее распределение призов в лицее. Тьерри семь раз поднимался на сцену и спускался с кипой книг в руках. Присутствовавшие –

родители и ученики – громко аплодировали ему. Алексей тоже хлопал и привскакивал на стуле. Сам он получил только второй приз по французскому и похвальный лист по физкультуре. Когда его фамилия – Крапивин – прозвучала среди всех этих Мартенов, этих Бенуа, этих Дюранов, он еще острее почувствовал свою странность. Один, шаг за шагом – как посередине Франции, которая с симпатией смотрела на него, – шел он через весь зал к ареопагу[10] учителей. Вернувшись на место, Алексей краешком глаза посмотрел на два полученных тома – «Исландский рыбак» Пьера Лоти и иллюстрированная «Песнь о Роланде». Он привез их в Сен-Жерве с намерением прочитать. Однако здесь книжки на ум не шли. Захватывала сама жизнь. Что-то будем делать завтра?

Планы прогулок придумывал Тьерри. У него было несколько друзей по соседству. С ними и путешествовали. Вчера приехала Жизела. Алексей не знал – хотел он или боялся этого. Она была такой насмешницей, что вполне могла испортить удовольствие от прогулок. Он тотчас решил игнорировать эту несносную девушку. Он пойдет впереди с Тьерри, как обычно, не обращая внимания на гримасы и колкости его кузины. Лишь заурядные души могли искать повод для шуток рядом с такими прекрасными пейзажами. Он написал о своем счастье родителям. На французском, конечно же. Они ответили по-русски. Он с трудом расшифровал три странички их советов и нежностей. Дома дела шли хорошо. Но стояла изнурительная жара. Алексей жалел отца и мать, оставшихся в городе, в то время как он наслаждался неслыханно радостным летом в горах. Вернувшись с прогулки, он напишет им, и вновь по-французски. Он расскажет им все. Он поделится с ними своим счастьем.

Несмотря на поздний час, спать совсем не хотелось. Лихорадочное возбуждение заставило его выйти на площадку. Комната Тьерри была прямо напротив. Луч света обрамлял его дверь. Он тоже не спал. Алексей постучал, подождал ответа и вошел. Опершись на локоть в своей кровати, с взъерошенными волосами и расстегнутым воротничком пижамы, Тьерри погрузился в чтение. Книга, наверное, была очень интересной, так как он оторвался от нее лишь через несколько секунд.

– Вижу, что ты такой же, как я, – сказал он, обнаружив Алексея. – Ты спутал день и ночь!

– Это случается со мной не часто, – ответил Алексей, – но здесь я сам не свой! Наши прогулки, все эти дни здесь! Это потрясающе! Никогда не забуду!

– Да, природа в этом местечке очень красива. Красива и ужасна своим равнодушием. Вспоминаю мысли де Виньи в «Доме пастуха» – «Живите, холодная природа! И живите вечно!»

Тьерри сводил все, решительно все к литературе. Алексей ни за что на свете не последует за ним по этому пути. Он был слишком взволнован тем, что видел вокруг себя, чтобы вспоминать литературные цитаты. Свежий ветер рождал желание кричать, бежать, но не философствовать.

– К черту твоего Виньи, – сказал он. – Куда пойдем завтра?

Тьерри рассмеялся:

– Завтра… завтра… А я откуда знаю?.. Все будет зависеть от погоды…

– Я посмотрел на луну, только что… Она великолепна!..

– Я тоже посмотрел, – сказал Тьерри. – А мне она показалась беспокойной. «Одинокой, холодной и пагубной» – как писал наш друг Лотреамон. А он разбирался в тайнах!

Он выскользнул из кровати. У него были длинные ноги, длинные руки и короткая грудь. Он был еще более бесформенным в своей великолепной пижаме в голубую и белую полоску. Алексей почувствовал себя смешным рядом с ним в своей старомодной ночной рубашке. Они оперлись о подоконник, стоя плечом к плечу. Луна исчезла. Все перед ними было темно и враждебно. Слышалось шептание тяжелой, вздрагивавшей на ветру листвы.

– Ущелья Диозаза, наверное, такой ночью зловещи! – сказал Алексей.

– Хотел бы посмотреть?

– Конечно!

– Ты со всем соглашаешься! – воскликнул Тьерри, хлопнув его по спине. – Ты как бездомный пес! Если так будет продолжаться, то ты захочешь спать на улице!

Алексей утвердительно кивнул головой:

– Ты не представляешь, что значат для меня эти каникулы!

– А для меня, старик! Хочу, чтобы они продолжались всю нашу жизнь! Жаль, что семнадцатого ты должен вернуться в Нейи. Может, попросить разрешения у твоих родителей, чтобы остаться еще на несколько дней?

– Нет, Тьерри, они не согласятся. И так уже много!..

– На следующий год приедешь?

– Да, хотелось бы! – горячо воскликнул Алексей.

Казалось, семнадцатое августа так далеко, что о нем не хотелось и думать. А можно ли представить, что произойдет в следующем году? Им будет по пятнадцать-шестнадцать лет. Они будут во втором классе. Будут соперничать в учебе. У них, наверное, будут и приключения с девушками. Ночь, шум ветра, запах листвы отзывались в сердце Алексея трепетным волнением. Все его существо томилось смутными желаниями, туманными

надеждами.

– Знаешь, – сказал он, – такая дружба, как наша, редкость!

– Большая редкость, старик, – согласился Тьерри.

Он отошел от окна. Из-под пижамы торчал горб. Обойдя комнату, он лег в постель на бок, положил вокруг себя свои многочисленные подушки и натянул одеяло. Каким он был спокойным! Как сжился с физическим неудобством! Алексей, стоя у изголовья его кровати, спросил:

– Будешь спать?

– Ну да! Пора! И тебе советую, если хочешь быть завтра в форме!

Предвкушая новые радости, Алексей вернулся в свою комнату. Ему казалось, что разговор с Тьерри окончательно разбудил его. Все мысли были о завтрашнем дне. Однако, едва прикоснувшись к подушке, он погрузился в глубокий сон.

XI

На следующее утро шале сникло под проливным дождем. Низкие тучи закрыли горы. Вдалеке гремел гром. Пришлось отказаться от мысли о прогулке. Но Алексей не очень огорчился. Одна только возможность побыть с Тьерри и его родителями казалась ему неслыханной удачей. Они вновь собрались вчетвером за завтраком в столовой. Чай, кофе с молоком, булочки с черничным вареньем – все, что ел за этим столом Алексей, было вкуснее, чем дома. Он слышал только французскую речь. Он погрузился в лоно французской семьи. И не чувствовал себя посторонним в этой, столь отличной от той, в которой он родился, среде. Весело болтали о самых разных вещах. У Гозеленов не было, конечно, проблем с деньгами. Хотя месье Гозелен никогда не упоминал о своей профессии архитектора, весь его облик – солидный, спокойный, важный – свидетельствовал о его знаниях, авторитете, успехе. Рассматривая его, Алексей удивлялся тому, что этот маленький приветливый человек, командовавший сотнями рабочих, строивший повсюду дома, получавший каждый день в Сен-Жерве послания от министра, был не прочь при случае поболтать с двумя мальчишками. Мать Тьерри тоже, несмотря на светские условности, открыто радовалась тому, что ее сын отлично ладил с этим русским мальчиком. Однако казалось, что Тьерри и его родители не были очень близки друг другу. Если в маленькой квартирке в Нейи Алексея окружало настоящее семейное тепло, то здесь чувствовалась какая-то отстраненность. Любили друг друга издали, корректно, краешком губ. Как будто бы месье и мадам Гозелен принадлежали к иному, нежели их сын, миру. У них была своя, недоступная жизнь. Тщетная суета и мнимые радости взрослых не касались Тьерри и Алексея. Их реальностью была настоящая дружба, бурная лицейская жизнь, тайное восхищение литературой и скука школьных учебников. Ничто другое не интересовало их, только они сами. Они не могли обойтись без разумных, обеспечивающих и направляющих их в жизни взрослых людей, однако жизнь незнакомого общества, в которое входят с тех пор, как начинают носить брюки и получают университетские дипломы, была чужда им.

Неожиданно зазвонил телефон, и месье Гозелен, извинившись, вышел из-за стола. Даже во время отпуска ему постоянно звонили. Телефон висел в вестибюле, поэтому не было слышно ни слова из того, что он говорил звонившему. Он быстро вернулся и сказал, что звонила мадам Бурассон, их соседка в Сен-

Жерве.

– Она хочет с вами поговорить, – сказал он жене.

– Опять! – воскликнула мадам Гозелен. – Что ей нужно?

– В следующее воскресенье они собираются играть в бридж…

– Об этом не может быть и речи! – ответила мадам Гозелен, направляясь в вестибюль.

Она вернулась с горящим от возмущения лицом.

– Я сказала, что мы заняты, – пробормотала она, усаживаясь за стол. – Эти люди совершенно несносны! Их манера навязывать себя говорит о невоспитанности! Я уже трижды сказала им нет. Следовало бы понять!..

– Что же вы хотите, дорогая, – вздохнул месье Гозелен. – Это несносные люди!

Суровые слова Гозеленов взволновали Алексея. А как строго соблюдавшие респектабельность Гозелены относились к его родителям? Правда, в Нейи встречались только матери. Но и этого было достаточно, чтобы составить мнение о его семье. Что они говорили о каких-то Крапивиных с неизвестным прошлым? Наверное, жалели и смеялись над ними? В который раз Алексей оказался в неловком положении в мире, построенном другими и для других. У него нет предков во Франции, и, значит, ему нечего здесь делать! Однако сомнение было минутным. Оживленный разговор, продолжавшийся за столом, окончательно убедил Алексея, что его подозрительность абсурдна. Месье и мадам Гозелен были немного «снобами», что там ни говори, однако они с самого начала поняли, что это была подходящая дружба для их сына. Не стоит бояться их насмешек, он может рассчитывать на их уважение. Его жизнь никогда не была такой легкой, как в этом роскошном, удобном и изысканном доме. Теперь он тоже хотел бы носить фамилию Гозелен и иметь отца-архитектора!

Так как погода прояснилась, решили спуститься на «Делаге» в Файетт и пройтись по парку водолечебницы. А когда начался сильный дождь, вернулись в машину. Мальчики бежали под дождем впереди, родители – за ними – под зонтиками.

Вымокшие до нитки Алексей и Тьерри, переодевшись, сели за стол. Во время обеда из гостиницы позвонила Жизела. Ввиду плохой погоды она предложила своему кузену пойти в казино на чай с ней и ее друзьями.

– Я спрошу у родителей и перезвоню тебе, – сказал Тьерри.

Родители одобрили их план и решили присоединиться к молодежи. Поехали на машине под проливным дождем.

Переступая порог казино, Алексей испытал то же торжественное чувство, что и при входе в Лувр. Колонны, зеркала, геридоны, торопливые официанты – все было новым для него в

этом великолепном месте, предназначенном для богатых. Жизела была уже там в обществе двух молодых людей – двух братьев Марселя и Адриена Веррье, которым было лет по девятнадцать, – девушки Мартины Санчес, светловолосой, бесцветной и сдержанной, с пятнами экземы на щеках. Она, конечно, принимала лечение в Файетте. Посетителей было много. Месье и мадам Гозелен заказали по телефону столик около танцевальной площадки. Жизела и ее друзья расположились в глубине зала. Обменявшись приветствиями, они отправились в свой уголок. Тьерри и Алексей спросили у родителей разрешения пойти с ними и устроились рядом с молодежью. Джаз-банд громко играл модные песенки. Парочки тряслись под звуки шимми.[11] Не умевшему танцевать Алексею они показались смешными. Он переглянулся с Тьерри и понял, что и тот, усмехнувшись и не сказав ни слова, разделял его мнение. Жизела похвалила оркестр:

– У них отличный ритм! А чернокожий саксофонист просто великолепен!

Все согласились с ней. По всему было видно, что она была королевой компании. Движением подбородка она повела в сторону танцовщика казино, который прохаживался со «старушкой» лет пятидесяти, украшенной побрякушками.

– В прошлом году он танцевал с мамой. Он неподражаем в пасодобле.[12]

Алексей про себя отметил, что Тьерри и он были, несомненно, самыми молодыми участниками вечеринки. Хорошо, что они пришли в сопровождении родителей и были одеты в бриджи. В шортах их, наверное, не пустили бы? Почти все женщины были в шляпках-колоколах. Их прямые юбки обнажали икры. Некоторые открыто курили сигареты в длинных мундштуках, элегантно держа их между двумя пальцами. Чтобы оживить разговор, Марсель и Адриен принялись обсуждать проходившие в Париже Олимпийские игры. Они перечисляли достижения чемпионов, восхищались длиной шага финского бегуна Нурми и ловкой тактикой французского фехтовальщика Дюкре. Потом, заметив, что их спортивные разговоры никого не интересуют, пригласили девушек на танец. Они встали, пробрались между столиками и присоединились к скачущей толпе. Алексей следил глазами за Жизелой. Она одна-единственная среди всех этих женщин, повисших на кавалерах, не казалась ему смешной. В ее движениях была соблазнительная грациозность, примирившая его с танцем. Казалось, что легкая любовная дрожь пробегала по ней, когда она легко встряхивала плечами в ритм шимми. Он, не сдержавшись, сказал:

– Твоя кузина отлично танцует!

– Она все делает отлично! – заметил Тьерри, смеясь. – «Танец – это для девушки упражнение в физической любви», – как заметил Стендаль. Им кажется, что они без опасности для себя отдаются мужчине, который им нравится. Тебе нужно тоже научиться танцевать, если хочешь нравиться!

– Только не таким способом!

– И напрасно! Все средства хороши, чтобы поднять дичь!

Лицо Тьерри при этих словах стало насмешливым и грустным одновременно, как если бы он намекнул на удовольствие, которое ему было навсегда запрещено. За шимми последовало танго. Поверх танцевавших пар Алексей заметил месье и мадам Гозелен. Он подумал о своей матери, так непохожей на всех этих женщин. Можно ли представить, как они танцуют с отцом? Хотя в молодости это, наверное, с ними случалось. Наконец музыка смолкла, и пары разошлись. Жизела, Мартина, Марсель и Адриен вернулись за столик. Официант принес напитки. Однако, как только оркестр заиграл вновь, Жизела не смогла удержаться и принялась покачивать головой в такт уанстепу.[13] Марсель взял ее за руку. И они вышли на круг. Мартина казалась уставшей. Адриен тотчас пригласил знакомую девушку, сидевшую невдалеке от них. Его смелость восхитила Алексея. Он посмеялся над танцами, а теперь жалел о том, что не может походить на этого элегантного непринужденного парня. Неожиданно Мартина спросила его:

– Вы ведь русский?

– Да.

– И разговариваете по-русски?

– Да.

– А у вас совсем нет акцента!

– Я очень рано выучил французский, в России, с гувернером…

Он смутился оттого, что его так, под цепким взглядом Тьерри, расспрашивала девушка. Она на самом деле интересовалась им, или же это была лишь светская болтовня?

– Вы вспоминаете о России?

Он вздрогнул – опять! Эта надоевшая песенка будет, наверное, преследовать его всю жизнь! И сухо ответил:

– Очень редко!

Вмешался Тьерри:

– Не настаивайте, Мартина. Как только у него спрашивают о его стране, он становится идиотом!

Это выражение – «его страна» – задело Алексея, как неприятное замечание. Он обиженно пожал плечами. Мартина с любопытством рассматривала его. А она была не такой уж бесцветной, как это показалось в самом начале. И экзема не

очень-то заметна. Но ей, наверное, лет девятнадцать. Этот возраст делал ее недостижимой для лицеиста, собиравшегося перейти во второй класс. Впрочем, как только Адриен вернулся к столику, она повернулась к нему. По всей видимости, они флиртовали. Алексей почувствовал себя лишним, однако совсем не смутился. Даже отвергнутый Мартиной, он остался на празднике. Вернулись распаленные танцем Жизела и Марсель. Они держались за руки. Ее блестящие глаза обрамляли выщипанные по моде брови. Алексей нашел, что эта деталь усиливала ее загадочность. Он рассматривал ее со смешанным чувством уважения и зависти. Разговор разгорелся вновь, но он не принял в нем участия. Откинувшись на спинку стула, он блаженствовал оттого, что был здесь, со своим другом, в компании двух таких соблазнительных девушек. Французское очарование продолжало действовать повсюду, во всех обстоятельствах. Он жадно выпил лимонаду, вспомнил, бог знает почему, квартирку на авеню Сент-Фуа и порадовался расстоянию, отделявшему его сегодня от родителей. Что-то они сейчас делают? Может быть, вновь говорят с друзьями о России? А может быть, оставшись вдвоем, предаются несбыточным мечтам получить немного денег в английском банке? Или читают какую-нибудь старую русскую книгу или эмигрантскую газету, полную новостей, интересующих только узкий круг изгнанников?

Тьерри нетерпеливо подавал ему знаки. Он встал, подошел к окну, вернулся к Алексею и сказал вполголоса:

– Тебе не кажется, что мы уже достаточно насмотрелись? Давай удерем? Я спрошу у родителей разрешения уйти раньше их.

Алексей с удовольствием остался бы до конца вечера – так ему понравилось это местечко, – однако не осмелился перечить другу.

– Да, – уступил он. – Отчалим!

Они попрощались с обеими парочками, их не удерживали. Саксофон надрывался, Жизела и Мартина вновь увлекли своих кавалеров на танец.

– Ненасытные, они ненасытные! – пробормотал сквозь зубы Тьерри.

Казалось, что он презирал, почти ненавидел их в это мгновение. Взглянув последний раз на танцевальную площадку, он направился с Алексеем к столику родителей, чтобы предупредить об уходе.

– Хорошо, идите, – сказал месье Гозелен. – Альбер отвезет вас на машине и вернется за нами.

– Не надо машины, – отрезал Тьерри. – Я посмотрел в окно:

дождь прошел. Мы поднимемся пешком по дорожке.

– Ты устанешь, мой дорогой!

– Да нет, мама, нет! – запротестовал Тьерри, повысив голос. – Я привык! Мне очень нравится ходить пешком! И к тому же я не один!

Она уступила.

На улице было влажно и душно. Над сияющей листвой поднимался пар. Луч оранжевого солнца разрывал облака. Все небо пылало за грозовыми трагическими тучами.

– Погода меняется к лучшему, – сказал Тьерри. – Нужно поскорее забыть этот испорченный день!

– Не думаю, что он испорчен, – пробормотал Алексей.

– Тебе понравилось в этом дурацком дансинге?

– Конечно. Было очень здорово!

– Два типа ухаживали за Жизелой и Мартиной. Я, правда, уверен, что за их же денежки. У Жизелы холодная голова. А Мартина, похоже, положила глаз на тебя.

– Псих!

– Уверяю тебя!

Алексей был польщен, но виду не показал. «Не влюблен ли Тьерри тайно в свою кузину?» – неожиданно подумал он. Это бы объяснило его насмешки, колкости и капризы. Он и сам, по правде говоря, был небезразличен к терпкому, вызывающему очарованию Жизелы. Тщетные мечты. Взбираясь по крутой тропинке, он с наслаждением вдыхал настоянный на запахах сосны и морской пены воздух. Тьерри на своих длинных ногах, как на ходулях, поднимался быстрее, чем он. Но ему не хватало дыхания. На минуту он остановился, задохнувшись, сел на краю дороги и объявил прерывающимся голосом:

– Завтра я попрошу у родителей машину, чтобы поехать на Зеленое озеро… Это на плато д’Асси. Превосходное место! Можно предложить Жизеле и Мартине поехать вместе!

– Ну да. Почему бы нет? – сказал Алексей, бросив на друга лукавый взгляд.

И они пошли дальше, плечом к плечу, размахивая руками.

XII

Каникулы Алексея приближались к концу. Железнодорожный билет был уже взят и место заказано. Он поедет один на поезде первый раз в жизни. Эта мысль несколько смягчила предстоящее расставание. Утром пятнадцатого августа Гозелены собрались идти в церковь. Они ходили туда только по случаю больших праздников.

– Нельзя не пойти, – сказал Тьерри. – Успение Пресвятой Богородицы – большой праздник для нашей семьи. Можешь присоединиться.

– Конечно, – ответил Алексей.

Он уже бывал в католических храмах, но никогда не посещал мессы. Оказавшись в нефе[14] рядом с Тьерри и его родителями, он почувствовал, что еще более глубоко погрузился в жизнь Франции. Все удивляло его в этом месте, так непохожем на то, что он видел в церкви на улице Дарю. Там стояли, а здесь удобно, как на спектакле, сидели напротив алтаря, украшенного цветами в честь Девы Марии. Безбородый пастор говорил по-латыни. Время от времени, подчиняясь звонку, верующие преклоняли колени для молитвы. Потом вновь садились, потом вставали, потом склоняли головы. Вместо хора играл орган с глухим звучанием. Слушая эту торжественную, немного механическую музыку, Алексей с сожалением вспоминал широкие волны человеческих голосов, звучавших во время богослужения под сводами православной церкви. В окружении той бури, гармоничной и мощной одновременно, невозможно было не трепетать до глубины души. А здесь служба была мирной, как бы цивилизованной. В положенное время кюре поднялся на кафедру и по-французски произнес молитву о прощении грехов, которое дарует счастье тем, кто умеет прощать. У него был сильный савойский акцент. Обернувшись, Алексей заметил в глубине церкви Жизелу и Мартину. И улыбнулся им. Они кивнули головами. Среди присутствовавших было много празднично одетых крестьян с грубыми, почерневшими от солнца лицами. Они стояли бок о бок с туристами, с господами в полосатых блейзерах, дамами в украшенных бантами шляпках. И этот такой разношерстный мир молился одним дыханием. Алексей заметил, что французы крестились, перенося руку ото лба к груди, затем к левому и правому плечу, в то время как русские кладут крест справа налево. Он последовал примеру соседей, чтобы не выделяться в единодушной толпе.

Праздничная литургия продолжалась. Тьерри казался

внимательным и в то же время рассеянным. Он считал себя настоящим христианином, однако не подчинялся обрядам слепо. Алексей сказал, что и у него то же, неясное, как и у друга, отношение к богу. Тем не менее, оказавшись в толпе верующих, он признавал, что верить приятно. Верить со всем народом, со всей страной. А не только так, как в церкви на улице Дарю, с группкой тоскующих эмигрантов. Он с волнением думал о том, что в тот же день и в тот же час миллионы людей молились во всех уголках Франции в соборах или деревенских церквах. Выйдя на улицу и смешавшись с пестрой толпой крестьян и курортников, он смутился, осознав, что предал свое детство и сделал выбор.

Жизела и Мартина присоединились к Гозеленам на паперти. Жизела объявила, что кюре был «превосходен в своей тупости и убежденности». Встречу назначили после обеда. Небо было неясным, так что в дальнюю прогулку отправляться было нельзя. Тьерри предложил поехать к каминам[15] Фей.

– Заходите за нами в гостиницу, – предложила Жизела. – В три часа, годится?

– Попросите Альбера отвезти вас, – сказал господин Гозелен. – Нам сегодня машина не нужна.

Быстро пообедали, так как родители Тьерри ждали гостей – не Бурассонов, слава богу! – на бридж. Пристрастие Гозеленов к картам было странным. Это, конечно, был не в высшей степени изысканный досуг. У Крапивиных в бридж не играли. И ни во что другое. Встречи с друзьями были посвящены бесконечным разговорам. Русская болезнь!

Тем временем в шале с самого утра царила суматоха. По случаю бриджа горничная передвинула в гостиной мебель и поставила в центре четыре складных, покрытых зеленым сукном столика. Повариха Мари трудилась над приготовлением десяти сортов сандвичей. Спустившись в гостиную, Алексей и Тьерри обнаружили ряды серебряной посуды, нагруженной ломтиками поджаренного хлеба с гусиной печенкой, окороком, лососем, пирожками с ягодами, печеньем, пирожными с кремом. Несмотря на протесты Мари, они отведали, смеясь и облизывая пальцы, всего понемногу, прежде чем ускользнуть на свое молодежное гулянье.

Жизела, Мартина, Марсель и Адриен ждали Тьерри и Алексея в холле гостиницы. За город выехали на машине. Потом отправились цепочкой пешком по прерывающейся тропинке к каминам. Алексея поразили четыре возвышающиеся на склоне земляные колонны с плоским камнем наверху. Вода размыла вокруг них почву, однако эти странные неустойчивые пирамиды –

единственная достопримечательность неброского пейзажа – все еще продолжали стоять. Жизела по праву сочла их репутацию «раздутой».

– Это приманка для туристов! – сказала она.

Мартина спросила, почему они называются «каминами Фей». Может быть, с этим названием связана легенда? Тьерри признался, что не знает. Жизела сфотографировала кузена и Алексея на фоне альпийского пейзажа. Они стояли плечом к плечу с ледорубами в руках и щурились от яркого солнца. Все по очереди позировали перед фотоаппаратом, который девушка установила на штативе. Потом пошли дальше. Движением дирижировал Тьерри. Остальные, рассеявшись, шли за ним. Под ногами перекатывалась галька. Склон был крутым. Завершавший группу Алексей крикнул Тьерри:

– Ты идешь слишком быстро!

Но Тьерри отрицательно покачал головой и ответил, не оборачиваясь:

– Не беспокойся! Все в порядке.

Балансируя на длинных ногах, он при каждом шаге помогал себе ледорубом. Вдруг он поскользнулся, качнулся и упал на спину. Первым подбежал Алексей.

– Тебе не больно? – спросил он.

– Ничего, – ответил Тьерри. – Я и в самом деле очень неловкий! Неумеха!

Подошли Жизела, Мартина и братья Веррье. Тьерри успокоил их:

– Все нормально. Идите вперед. Я вас догоню.

Они пошли. Оставшись с Алексеем, Тьерри сел на камень, чтобы отдышаться. Он был очень бледен. По лбу струился пот, тяжело дышал.

– Завтра у меня все будет болеть! Не говори ни слова матери! Она из этого сделает трагедию! Давай, вперед!..

Они осторожно двинулись в путь. Обе парочки ждали их у автомобиля. На обратном пути, в духоте переполненной машины, весело обсуждали происшествие. Тьерри настоял вопреки здравому смыслу на том, чтобы сначала отвезти в гостиницу кузину, братьев Веррье и Мартину. Когда он и Алексей вернулись домой, родители все еще играли в бридж. Тьерри тяжело вскарабкался по ступенькам до своей комнаты и упал одетый на кровать. Некоторое время спустя, узнав о случившемся от шофера, в комнату вошла взволнованная мать. Он успокоил ее:

– Я же говорю вам, мама, что ничего страшного! Мне уже лучше. Завтра совсем пройдет.

Но она не поверила. Заставила раздеться, лечь и положила

вокруг груди подушки, которыми он обычно окружал себя ночью. Видя ее такой взволнованной, Алексей подумал, что сдержанность, которую он считал присущей Гозеленам, была не чем иным, как признаком хорошего тона, и что в тяжелые минуты ими владели те же простые и сильные чувства, что и его собственными родителями. Все, что сближало обе семьи, казалось ему хорошим знаком. Мадам Гозелен позвонила доктору. Он пришел через полчаса. Это был коренастый, светловолосый, властный мужчина в очках. Алексей вышел на время осмотра. Доктор заверил, что падение не было опасным, но что несколько дней, во избежание осложнений, Тьерри следует полежать в постели. Немного успокоившись, мадам Гозелен вернулась к гостям. А после того, как они ушли, приказала подать сыну легкий ужин на подносе в кровать. Алексей ужинал в столовой с родителями Тьерри. Он стеснялся в отсутствие друга, как если бы пришел к ним в первый раз. Месье Гозелен выглядел спокойным, но его жена постоянно возвращалась к обстоятельствам происшествия: «Как это случилось? Вы ничего от меня не скрываете? Он такой хрупкий!» После десерта Алексей попросил разрешения подняться в комнату Тьерри.

– Да, конечно же! – вздохнула мадам Гозелен. – Он, наверное, вас с нетерпением ждет!

Облегченно вздохнув, Алексей быстро, через ступеньку, взбежал по лестнице. И увидев его, Тьерри болезненно улыбнулся и тихо сказал:

– Ты как раз вовремя! Помоги немного подняться на подушках: мне трудно дышать…

Алексей поддержал его под спину, пока он с трудом устраивался на своем ложе.

– Вот теперь лучше! – сказал Тьерри. – Что утешает меня во всей этой истории, так это погода, которая, похоже, испортится. А значит, я не очень много потеряю!

– Жаль, что я послезавтра уезжаю! – пробормотал Алексей, усаживаясь у изголовья кровати. – Мы будем скучать друг без друга.

– Давай будем переписываться.

– Конечно, можешь на меня рассчитывать!

– У тебя будет время дочитать «Боги жаждут». Скажешь, что ты об этом думаешь.

– Согласен, старик. По правде говоря, не знаю, почему я забыл эту книжку. Я быстро дочитал бы последние страницы. А что мне взять почитать потом?

– Тебе нужно засесть за «Войну и мир». Это большой том, но ты не пожалеешь. Особенно если прочтешь ее по-русски!

– Ты говоришь как мои родители!

– Они правы: Толстой великолепен! Если бы я мог… как ты…

Алексей удивился тому, что такой умный, такой образованный и свободный мальчик, как Тьерри, говорил «если бы я мог, как ты». Единственный недостаток Тьерри – его убогость. Но о нем забываешь, как только он начинает говорить. Его взгляд пронзает до глубины души и заставляет думать. Находясь рядом с ним в комнате, Алексей чувствовал, что его ум становится более острым, более живым, чем в Нейи, рядом с родителями.

Дождливая ночь веяла свежестью в открытое окно. Вдыхая этот живительный, настоянный на всех ароматах гор воздух, Алексей представлял возвышающиеся во мраке, омываемые ливнем камины Фей. Несмотря на кажущуюся хрупкость, ни жестокие ветра, ни подмывающие потоки воды не могли их расшевелить. На протяжении веков эти священные часовые сопротивлялись всему, накрывшись своей шляпой из грубого камня. То же самое происходит, наверное, и с людьми, когда их опорой бывает большое чувство. И среди всех больших чувств самое благородное, конечно, дружба. Вера Алексея в исключительность братского взаимопонимания была так велика, что он почувствовал необычное облегчение. Тьерри тоже мечтал, подняв глаза к по– толку. Он думал о чем-то тайном, своем. Порыв ветра хлопнул ставнями окон. На паркет упали капли дождя. Алексей хотел закрыть окно.

– Нет, оставь, Алеша! Мне нравятся эти порывы ветра!

В первый раз Тьерри назвал его Алешей. Это тронуло Алексея, как будто горячее, сильное рукопожатие. Он молча сел. Его друг был прав. Ненастье, солнце, ночь, горы, усталость, семейные обеды, прогулки по каменистым дорожкам, камины Фей – все было прекрасным в этом французском мире, куда пригласил его на каникулы Тьерри.

XIII

Вернувшись в Нейи, Алексей не знал, чем заполнить бесконечное свободное время. Праздный, разочарованный, он бродил по тихим улицам города, бесцельно возвращался домой, валялся на диване, смотрел рассеянно в окно: там не было ни гор, ни каскадов, ни опасных тропинок! Перед взором вставала серая стена с нелепыми окнами. Неужели в этом его будущее? Родители, с которыми он так радостно встретился, казались теперь странными, скучными, далекими. Они настойчиво продолжали разговаривать с ним по-русски. Он через раз отвечал по-французски. На следующее после его возвращения утро мать получила письмо от мадам Гозелен, которая благодарила ее за то, что она доверила ей ее «очаровательного Алексея» на каникулы: «Благодаря ему у Тьерри было несколько великолепных дней. Дружба этих двух мальчиков освещала наш дом. Они и в самом деле созданы друг для друга». Алексея взволновало это неожиданное и такое исключительное признание. Он еще больше заскучал. Мать тотчас ответила мадам Гозелен. Но написала письмо по-русски. Алексей перевел его, и она переписала французский текст под бдительным взором сына.

Чтобы отвлечься, он иногда уходил в Булонский лес, устраивался вместе с другими бездельниками на траве за оградой танцплощадки Арменонвиль, слушал оркестр, игравший для избранной публики, и вспоминал о вечере в казино с Тьерри. Время от времени, когда было особенно жарко, мать жалела его и давала немного денег, чтобы он мог пойти искупаться в бассейне Делиньи на Сене. Там он плавал, нежился на солнышке, рассматривал женщин в купальных костюмах и сравнивал их с Жизелой. Потом, взбудораженный воспоминаниями об этих полуобнаженных телах, возвращался домой. Каждый или почти каждый день он писал Тьерри, чтобы рассказать о том, как он провел свободное время, и поделиться своими мыслями. Тьерри отвечал аккуратно. Он окончательно поправился и стал вновь совершать прогулки. «Я помешался на дорожках! – писал он. – Хочется провести весь год здесь». Дела заставили его отца вернуться в Нейи, однако на выходные дни он вновь приезжал в деревню. Мать всякий раз беспокоилась, когда Тьерри уходил из шале, и тем не менее разрешала ему часами в свое удовольствие гулять в горах. Жизела тоже уехала. Курортники покидали Сен-Жерве. «Тем лучше, – продолжал Тьерри в следующий раз. – Я брожу один. Это потрясающе!»

Некоторое время спустя – новое письмо. «Представь себе, что

со мной позавчера произошла идиотская история. Ты ругал меня за неосторожность, когда я упал на каминах Фей. А что скажешь сейчас? Это сильнее меня, мне хочется тратить силы, рисковать. Иначе „жизнь будет такой же пресной, как мясо без соли“ – как говорил великий шутник Бальзак. Ты знаешь горную речку Бонна, на берегу которой находится парк Файетта? Я пошел туда после обеда: хотелось помечтать. Я спустился к воде. Даже летом, в самый разгар жары, она, сбегая с ледников, дышит холодом. Этот ревущий поток, пенящийся водоворот был великолепен! Еще немного – и я „родил“ бы стихи во славу природы. Но камень, на котором я стоял, пытаясь удерживать равновесие, выскользнул из-под ног, и я оказался в ледяной воде, старик! Уцепился за ветку. Но подняться на берег не смог. Позвал. Никого. С десяток минут я барахтался в водовороте. Если бы ты видел, как мне стало не по себе! Наконец гуляющие услышали и вытащили меня. Я промок и замерз так, что зуб на зуб не попадал. Взволнованная мать, естественно, вызвала доктора. Меня засунули в кровать. Совершенно больного, признаюсь. Я, наверное, слишком долго оставался в воде. Поднялась температура, болит горло и колет в боку, когда глубоко вздыхаю. Доктор успокоил мать. Он считает, что через несколько дней я буду на ногах. Так хочется поскорее тебя увидеть! Удивляюсь пунктуальности, с которой принимаю микстуру и таблетки! Утешает лишь то, что стоит отвратительная погода. Чтобы убить время, читаю и слушаю музыку. Фонограф стоит у меня под рукой. Начинаю любить Моцарта. А чем ты занимаешься, Алеша? Ты дочитал „Боги жаждут“? Если нет – то поторапливайся». И подписано: «Твой друг навек».

Взволнованный этим новым происшествием, Алексей попросил Тьерри описать все более подробно. Ответ успокоил его. «Не волнуйся. Я усиленно лечусь. Ты не написал мне о книге, жду твоего приговора». Подчиняясь наказу, Алексей закончил чтение романа Анатоля Франса и сдержанно высказал свое мнение: «Ты прав. Конец довольно интересный. Все эти несчастные, собранные в одной повозке, везущей их к гильотине, – это очень трагично! За исключением этого места книга показалась мне немного скучной. Совсем не хочется начинать эксперимент с „Войной и миром“. Я откопал у букинистов дешевое издание Арсена Люпена. Это, пожалуй, повеселее. Примусь за дело. Время так долго тянется без тебя! Родители не понимают, что я сдыхаю дома от скуки. Они погружены в свои русские привычки, свои русские заботы и воспоминания. И хотели бы навязать их мне силой. Но мне нужно другое. Мне нужны наши разговоры с глазу на глаз. Когда вспоминаю о них, то у меня перехватывает дыхание. Возвращайся скорее, старик. Умоляю тебя. И на будущее – не прыгай как коза!

Купаться здорово, полезно, но не в одежде и не в реке, спускающейся с ледников. Кроме шуток, будь осторожен. Прошу тебя об этом во имя нашей дружбы».

Письмо, которое он получил от Тьерри в ответ на свое, было полно ласковых упреков. Тьерри не понимал, почему он опустился до чтения детективных романов, в то время как его ждало столько шедевров. Что касается его презрения ко всему русскому, то он считает это смешным: «Позднее ты будешь жалеть, что не интересовался раньше своей родиной. Я считаю, что можно быть глубоко русским человеком и любить Францию. Когда вернусь в Париж, то постараюсь тебя в этом убедить. А сейчас я еще не окреп. Температура не отступает. Я кашляю, задыхаюсь. У меня все время болит грудь. Извини, что мое письмо короче, чем обычно. Сегодня утром мне трудно писать. Мысли путаются. Привет, друг!»

За этим откровенным письмом пришла короткая записка, нацарапанная карандашом: «У меня, кажется, сильное воспаление легких. Но врач не очень беспокоится. И ты не волнуйся. Твой старый однокашник, все еще лежащий в постели, но несокрушимый – Тьерри».

Начиная с этого дня Алексей отправлял в Сен-Жерве все более беспокойные письма. Тьерри отвечал нерегулярно, несколькими лаконичными строчками. Состояние без изменений. Он не сможет вернуться в октябре. Он вернется в школу только в начале второго семестра, после выздоровления: «Твои письма поддерживают меня, Алеша. Напиши мне еще, пиши так часто, как сможешь, не дожидаясь моих ответов».

В конце сентября Крапивины получили через своих друзей Болотовых три льготных билета в театр «Фемина». Вся французская пресса расхваливала оригинальность спектакля, который поставило русское общество «Летучая мышь» Никиты Балиева. В одно из воскресений отправились в театр всей семьей. Алексей был на представлении не первый раз. Однажды родители уже водили его в маленький зал, где голодная русская труппа играла пьесу о войне и революции, которая показалась ему немодной и многословной. А на этот раз он оказался в настоящем театре с богатой позолотой, среди элегантной публики. В этой массе было, наверное, несколько эмигрантов, но большинство зрителей были, естественно, французами. Алексею казалось сверхстранным то, что желающих аплодировать комедиантам, языка которых они не понимали, оказалось так много. Программа была целиком русской. Друг за другом следовали маленькие картины. В одних актеры пели, в других разговаривали. Одни были странными, другие – грустными. Однако все они,

несомненно, были навеяны старой Россией. Здесь был и хор выпивающих перед сражением гусар, и крестьянские танцы под балалайку; воркованье двух влюбленных и веселый разговор трех мужиков на ярмарке; здесь были и проклинавшие бедность лодочники с Волги. Каждую картину встречали бешеными аплодисментами. После каждой сайнеты[16] во время смены декораций перед занавесом появлялся Никита Балиев и весело по-французски объявлял следующий скетч. У него была круглая как мяч голова и черные густые брови. Его иностранный акцент вызывал смех. Алексей смеялся вместе со всеми. А разве не такой же акцент у его отца и матери? Им вновь овладели чувства смущения и гордости. Казалось, что французы в зале насмехались над русскими и в то же время восхищались ими. В конце концов и он поддался всеобщему ликованию. Он веселился. Он был заодно со всеми и забыл о неприятных ощущениях сковывавшего движения тесного костюма.

Выходя из театра, Георгий Павлович добродушно сказал:

– Если бы мы были в Москве, то я повел бы вас ужинать в ресторан «Яр»! А здесь я приглашаю вас выпить стаканчик в бистро! Можно повеселиться, когда на сердце праздник!

На следующий день Алексей написал Тьерри о своем выходе в свет. Представление ему очень понравилось. «Однако, – писал он, – я еще больше загорелся желанием посмотреть французские спектакли. Мольера, Расина… Нам обязательно нужно однажды вместе пойти в театр. Может быть, этой зимой. Я буду собирать деньги и попрошу у родителей. Есть ли льготные билеты в „Комеди Франсез“? На этой неделе мне опять захотелось стать писателем. Эта мысль не выходит у меня из головы… Что ты думаешь об этом?» И подписал: «Алеша».

Учебный год начался спокойно. Как и предполагалось, Тьерри не приехал. Однако Алексей с радостью встретился с товарищами, которых потерял из виду на время каникул. Он, как и каждый год, радовался чистым тетрадкам и новым книжкам, первым встречам с новыми учителями. Говорили, что преподаватель французского был «истым литератором». Ученики прозвали его Сапажу. Его же настоящая фамилия была Серпажу. Он носил бороду и иногда печатался в журналах. Алексей обрадовался этому и тотчас написал Тьерри: «Когда вернешься, то увидишь этого типа. Он немного похож на сумасшедшего. Однако я уверен, что нам он очень поможет в учебе. Я буду сообщать все темы заданий, чтобы ты был в курсе дел».

Спустя несколько дней после начала учебного года, 13 октября, газеты сообщили грандиозное известие: в возрасте восьмидесяти лет скончался Анатоль Франс. Вся пресса писала об

этой смерти взволнованно. Даже русская газета «Последние новости» опубликовала некролог. Месье Серпажу произнес на уроке в его честь небольшую речь и спросил, кто из учеников знает какое-либо произведение Франса. Алексей единственный поднял руку. Месье Серпажу поздравил его с тем, что он прочитал «Боги жаждут», и предложил рассказать книгу товарищам. Алексей сделал это с удовольствием, жалея, что его не слышит Тьерри. Он в который раз осознал, что всем самым лучшим в себе обязан Тьерри. Без Тьерри он был ничем. Вернувшись домой, он вновь погрузился в книгу. Мысль о том, что автор романа умер, настолько взволновала его, что он точно вспомнил день, когда Тьерри предложил ему эту книгу. Они так часто говорили об Анатоле Франсе, что он стал родным, писателем-кумиром. Алексей решил пойти на похороны этого великого человека, узнав из газет, что они состоятся в субботу 18 октября.

В тот день утром он отправился на место церемонии. На набережной Малаке напротив памятника Вольтеру уже собралась огромная толпа… Алексей проскользнул между группами людей и взобрался на парапет. Оттуда поверх голов он увидел еще пустую официальную трибуну и задрапированный фиолетовым газом помост, на котором поставят гроб. В небе на небольшой высоте пролетели три аэроплана. Затем на трибуну поднялись важные чиновники во фраках и цилиндрах и академики в своих странных вышитых мантиях. Зеваки рядом с Алексеем комментировали появление политиков.

– Вот этот, я думаю, Жозеф Кайу…

– Смотри-ка, а вот выползает Эдуар Эррио…

– А этот толстяк не Леон ли Жуо?

– Ей-богу, они все здесь!

Катафалк, запряженный украшенными султанами лошадьми, рассек толпу. Похоронные служащие сняли с него усыпанный хризантемами гроб и поставили под газом на помост. Начались длинные монотонные речи. Со своего довольно отдаленного места Алексей невнятно слышал только обрывки фраз. Тем не менее церемония волновала его. Он думал о том, что множество людей, пришедших проводить великого писателя, свидетельствовали о величии нации. Устремив взгляд к официальной трибуне, он разделял чувства народа, охваченного трауром. Хотелось плакать и аплодировать.

Когда смолк последний оратор, военный оркестр заиграл траурный марш. К гробу пошли парижские учащиеся, каждый возлагал к подножию помоста цветок, Алексей подумал, что и он бы мог быть среди них. Но в лицеях для совершения этого символического акта выбрали, конечно же, только молодых

французов. В который раз против воли в голове мелькнула мысль о колоссальной разнице между ним и его товарищами. Как противостоять этой страшной, оскорбительной исключительности? Принадлежа одновременно двум странам, он мог однажды оказаться не у дел. У его родителей была лишь одна родина – та, где они родились. А его родиной станет та, где он вырастет.

Вслед за школьниками пошли солдаты, с трехцветными французскими флагами. Затем гроб сняли с монументального помоста и погрузили на катафалк. Военный оркестр заиграл траурный марш, и катафалк с черными посеребренными шторами двинулся в направлении моста Согласия. Все кончилось. Алексей соскочил с парапета. Его сердце переполняло сложное чувство гордости и печали. Казалось, что он не попрощался с Анатолем Франсом. Этот человек будет жить так долго, пока хоть кто-нибудь будет читать его книги. Толпа расходилась. Тусклые солнечные лучи пробивались сквозь октябрьский туман. По Сене безразлично скользили легкие парусные лодки. Букинисты начали открывать свои лавочки. Алексей поспешил домой.

Из-за похорон родители задержались с обедом. Он был признателен им за понимание. За столом попросили рассказать о церемонии. Он говорил коротко, смешивая по привычке французские и русские слова, а оставшись один, принялся за письмо к Тьерри. Хотелось оживить событие в мельчайших деталях. Для такого важного письма он подготовил черновик. Он начал: «Мой дорогой Тьерри, как ты поживаешь? Надеюсь, что у тебя больше нет температуры. Сегодня я похоронил Анатоля Франса. Я был там за нас двоих. Это большая утрата для страны…» Написав эту фразу, он заколебался, зачеркнул «для страны» и написал: «для нашей страны».

XIV

Едва обозначившаяся угроза становилась ощутимее с каждым днем. «Последние новости» помещали все больше информации о возможном сближении Франции и СССР. Георгий Павлович с тревогой следил за событиями. По вечерам за столом он часто говорил об этом чудовищном примирении двух стран. Если благодаря абсурдному решению Эдуара Эррио признание состоится, то посольство на улице Гренель, где все еще находился дипломатический представитель старой России господин Маклаков, станет собственностью Советов. Службы министерской канцелярии будут изгнаны и заменены большевистскими агентами. Для белых русских это хуже чем оскорбление, это полная безысходность. У них больше не будет оригинального французского покровительства. Они станут гражданами без определенного места жительства. Чтобы смягчить последствия этого события, французское правительство собиралось принять меры для облегчения положения эмигрантов. Однако Георгий Павлович не верил этим обещаниям.

– Я не откажусь от своего происхождения, – повторял он. – Моей родины больше нет, но я не собираюсь искать другую.

Елена Федоровна была менее пессимистична.

– Нам нечего бояться с нашим паспортом Лиги Наций, – говорила она. – Даже если мы останемся во Франции, Советы нас не тронут.

– Нет! Нет! – возражал Георгий Павлович. – У них повсюду будут шпионы. Нас начнут травить. Они постараются настроить против нас французов.

Слушая родителей, Алексей чувствовал себя виноватым из-за того, что не разделял их тревоги. Он от всей души жалел их, однако не мог, как они, оставаться верным своему прошлому. Их патриотизм казался ему отжившим, мрачным. Если Франция решила признать СССР, значит, она имела достаточно оснований для этого. Не стоит сомневаться – мама была права, ничто не изменится для таких людей, как они, которые живут под защитой французских законов. Тогда зачем волноваться? Его самого беспокоили другие обстоятельства. Три последние письма к Тьерри остались без ответа. Может быть, его друг чувствует себя хуже? Надо будет написать мадам Гозелен, чтобы узнать последние новости. Он все еще раздумывал, когда однажды утром Елена Федоровна получила и распечатала при нем письмо. Он собирался уходить в лицей, но задержался, заметив, как изменилось лицо матери.

– Что случилось? – спросил он.

Она сложила листок, обняла и поцеловала сына со слезами на глазах. Он вновь спросил:

– Что случилось, мама?

Елена Федоровна села за стол, где после завтрака на белой в красную клетку скатерти все еще стояли чашки. Георгий Павлович уже ушел на работу. Все было спокойно. Мать встала, положила руку на голову сына и тихо сказала:

– Письмо от мадам Гозелен, дорогой. Умер Тьерри.

Удар был таким сильным, что Алексей не мог сообразить, что произошло.

Он был ошеломлен.

– Покажи, – пробормотал он.

Она протянула листок. Сквозь навернувшиеся слезы, перескакивая с фразы на фразу, он прочитал: «В последние дни мы совсем потеряли надежду… Острое воспаление легких… Общее состояние Тьерри не позволило ему бороться… Он умер у меня на руках… Его похоронили здесь, в Сен-Жерве, у подножия гор, которые он так любил… Муж и я убиты… Скажите вашему дорогому Алексею, что его последние мысли были о нем… На его ночном столике лежали все его письма, сложенные по датам… По его просьбе я отсылаю вам эти воспоминания об их каникулах…»

В конверте лежала фотография: Тьерри и Алексей на фоне каминов Фей. Они – такие счастливые, такие беззаботные – держали ледорубы в руках и глупо улыбались! Прошлое вызывающе смотрело на Алексея, смеялось над его горем. В порыве отчаяния он разорвал снимок. Весь мир восстал против него. Бога не было! Мать молча, печально смотрела на него. Некоторое время спустя, собрав кусочки фотографии, она сказала:

– Тебе нужно идти в школу.

– Я не пойду, – тихо ответил он. – Я не смогу… Ты объяснишь…

Он задыхался в этой комнате и как сумасшедший кинулся на улицу. Мать окликнула его:

– Алеша, вернись!

Он не ответил и опрометью, рыдая, сбежал по лестнице. На улице он попытался успокоиться, ему теперь казалось, что с самого начала он знал, что дружба с Тьерри закончится очень быстро и трагически. Их преданность была всегда в опасности, потому что она была исключительной. Странное совпадение: он присутствовал на грандиозных похоронах Анатоля Франса в то время, как вдали от всех на маленьком сельском кладбище

хоронили его друга. Что станет с ним без Тьерри? С кем он будет разговаривать? У кого попросит совета? Для кого, наконец, будет жить? Он не хотел больше мечтать о литературном будущем. Все его писательские амбиции умерли вместе с Тьерри.

Никого не слыша и не видя, он широко шагал по улице и пришел, сам не зная как, к лицею Пастера. За изгородью молчаливо возвышалось огромное, из розового и белого кирпича, здание. Все ученики были, наверное, в классах. Алексей стоял перед этой громадой, и она казалась ему теперь совсем чужой. Он неожиданно вспомнил нелепую надпись на колокольне: «Все часы ранят, последний убивает». Когда-то он смеялся над ней вместе с Тьерри. А сегодня она показалась ужасной, как зловещее предсказание. Он повернул обратно.

Его ждала печальная, взволнованная мать. Алексей бросился к ней, и она, прижав к груди, принялась успокаивать его как маленького.

– Это страшно, дорогой, – сказала она тихо. – Мне жаль тебя от всего сердца. Но ведь ты такой юный! У тебя будут другие друзья…

– Ни за что! – воскликнул он, оттолкнув ее.

И бросился на диван, закрыв лицо руками. Мать села рядом, положила руку на голову, она сидела молча до тех пор, пока он не успокоился.

Георгий Павлович вернулся к обеду. Известие потрясло его. Он сдержанно, по-мужски, обняв сына, сказал:

– Это твое первое большое горе, Алеша. Будет другое. Жизнь – это борьба, в которой больше траура, чем радости…

И, бросив пакет с газетами на стол, добавил:

– Для нас сегодня тоже черный день. На этот раз все официально. Газеты публикуют информацию под большими заголовками: Франция признала СССР.

– Боже мой, возможно ли это? – прошептала Елена Федоровна, сжимая руки.

– Да, моя дорогая, Эдуар Эррио хорошо подготовил свой удар. Вчера, тридцатого октября, наш посол Маклаков после церковной службы покинул офис, и началось изъятие архива. Последняя машина увезла герб и флаг старой России. Все кончено. Скоро Советы обоснуются в Париже. Они будут как у себя дома. Нам останется только замолчать!

Елена Федоровна повернулась к иконе и перекрестилась. Алексей по-прежнему лежал распростершись на диване. Он ничего не понял, ничего не слышал. Потрясенный горем, он жалел теперь, что разорвал фотографию.

XV

В то воскресенье после обеда на улице Гренель было мало прохожих. Шагая рядом с Георгием Павловичем, Алексей спрашивал себя, зачем отец вытащил его на эту странную прогулку. Может быть, ему необходимо возвращаться на то место, где совсем недавно существовала частичка русского суверенитета? Наверное, именно так. Отец продолжал переживать. Над городом висело серое декабрьское небо. Было холодно и сухо. Георгий Павлович сосредоточенно молчал. У дома № 79 заметили с десяток человек, собравшихся на тротуаре напротив посольства. Вход в здание охраняли полицейские. Все смотрели вверх. На крыше здания на краю древка реяло красное с серпом и молотом знамя. Георгий Павлович долго смотрел на него. Легкий ветер колыхал в вышине флаг цвета крови. Он сжал кулаки и наконец прошептал:

– Мы бежали из России, чтобы никогда не видеть эту алую тряпку, а она здесь! Чудовищное унижение!

Он сказал это по-русски. Из группки ротозеев ответил, тоже по-русски, какой-то старый, прилично одетый господин:

– Вы правы. Это скандал! Я был здесь сегодня утром в десять часов, когда советский посол – гнусный «товарищ» Красин – приказал поднять знамя на крышу. Оркестр играл во дворе «Интернационал». Слышала вся улица!

– Да, – воскликнула краснолицая дама в меховой шляпке. – Я живу недалеко отсюда. Я была возмущена! Соседи протестовали. Но Советам наплевать! Проходимцы! А ведь наш дорогой Николай Второй останавливался в этих стенах во время своего путешествия во Францию!

Вмешался шофер такси в фуражке с лакированным козырьком, лихо сдвинутой, как у казака, на ухо:

– Кажется, Красин попросил у министра иностранных дел Франции список всех русских эмигрантов, проживающих на ее территории. Ему отказали!

– Ненадолго! – сказала дама. – Подождите немного, и нас всех отыщут! Там полным-полно секретных агентов!

К разговору присоединились другие русские, которые подошли из праздного любопытства. Их поддержали французы.

– Каждый раз, когда Франция следует примеру Англии, она ошибается! – заявил человек с толстым животом, в петлице плаща которого была розетка Почетного легиона.

Наконец группа рассеялась.

– Запомни эту дату, Алеша, – сказал Георгий Павлович со

слезами на глазах. – Четырнадцатого декабря тысяча девятьсот двадцать четвертого года Франция признала СССР!

Прохожие все еще останавливались у посольства, смотрели на флаг, качали головой и безразлично уходили, Георгий Павлович продолжал стоять, как перед могилой, в которой похоронили все надежды. Алексей, взяв отца за руку, сказал:

– Пойдем отсюда, папа. Ничего не изменишь.

Они повернули домой. Алексей широко шагал, заложив руки в карманы. Он понимал горе отца, но не разделял его. Его не интересовала политика. Он думал лишь о том, как ему хотелось бы рассказать Тьерри свои впечатления о встрече с парижским логовищем Советов. Прошло два месяца с тех пор, как умер его друг, а он переживал эту утрату, как в первый день. В довершение ко всему наскучили уроки. Даже по французскому появились плохие оценки. Но успехи перестали интересовать его, так как Тьерри не разделит больше его радость. А так хотелось по-прежнему, как если бы друг был жив, писать ему по нескольку раз в неделю в Сен-Жерве. Увлекшись своими мыслями, он совсем забыл об отце. Они шли рядом, но им нечего было сказать друг другу. Что тяжелее – потерять родину или друга? Алексей задал себе вопрос и не знал на него ответа.

Они молча вернулись домой. Елена Федоровна была занята на кухне. Георгий Павлович попытался пошутить:

– Ну вот, мы совершили прекрасную прогулку! Мы ходили приветствовать господина Красина в его резиденции! Очень поучительно!

Елена Федоровна взяла его руку, поднесла к губам и тихо сказала:

– Не надо было…

– Надо, надо, моя дорогая. Я люблю ясные ситуации. С красным знаменем над посольством для нас началась новая эра.

И добавил нарочито весело:

– Что ты приготовила на ужин? Нужно восстановить силы после таких впечатлений!

За столом он много выпил. Глаза его блестели. Он расстегнул воротничок.

– Душно, – сказал он.

– Ты все принимаешь слишком близко к сердцу, – вздохнула Елена Федоровна. – Я дам тебе валерианы.

Она принесла лекарство, и он согласился выпить несколько капель, разведенных в стакане воды. Сын смотрел на отца, такого несчастного, и хотел разделить его горе. Но в чем? В том, что он был русским эмигрантом, в том, что у него не было денег, что был слишком стар, чтобы мечтать о лучшем будущем? Рядом с

этим раненым человеком Алексей смутно сознавал, что его родители принадлежали к поколению, принесенному в жертву. В то время как перед ним в этой стране, где им не пришлось начать новую жизнь, были открыты все пути.

Перешли на кухню, чтобы помыть посуду. По нежным рукам Елены Федоровны струилась вода. Алексей и отец вытирали тарелки, стаканы, кастрюли и ставили их на место. Работая, они, как всегда, разговаривали. Это общение, эти ежедневные домашние дела были необходимы им как заклинание. В дом возвращалось спокойствие.

Подчинившись неожиданному порыву, Алексей вышел в комнату родителей. Там на полках из некрашеного дерева по алфавиту стояли русские книги. Он остановился перед «Войной и миром». Три толстых тома в сером переплете. Он взял первый и вернулся в столовую.

– Что там у тебя? – спросила Елена Федоровна.

– «Война и мир».

– Хочешь прочитать?

– Да.

Елена Федоровна, радостно улыбнувшись, обняла сына и предложила:

– Может быть, почитаешь вслух?

– Я очень плохо читаю по-русски, мама!

– Ну что ж, научишься!

– И я с радостью послушаю «Войну и мир», – сказал Георгий Павлович. – Я подзабыл детали.

– Согласен, – ответил Алексей, – но предупреждаю: меня трудно слушать. Я читаю кое-как…

Они сели вокруг стола под медной люстрой. Елена Федоровна сняла передник и взяла вышивание. Жар-птица была почти готова. Оставалось только наметить когти загадочной птицы. Иголка мирно скользила по канве. Редко куривший Георгий Павлович зажег сигарету. Прикрыв глаза, он вновь оказался в России. Алексей открыл книгу и неожиданно вспомнил разговоры с Тьерри. «Война и мир» – и это началось с Тьерри. Повсюду Тьерри! Сдерживая слезы, он начал читать.

Как это ни странно, но первые фразы в книге были на французском. 1805 год. Светский разговор в салоне придворной дамы Анны Павловны Шерер. Однако сразу же следовал русский текст. Алексей принялся с трудом расшифровывать слова. Но чем дальше он читал, тем увереннее чувствовал себя. Дикция становилась более четкой, глаз быстрее улавливал смысл напечатанных строк. Загадочное единение установилось между его монотонным голосом, читавшим прозу Толстого, и чем-то

очень теплым и дорогим, затерявшимся с детских лет в Москве в самой глубине его сердца. Этот язык был знаком ему, он вновь его открывал, он любил его. Мгновение спустя, подняв глаза от страницы, он увидел родителей, с благодарностью смотревших на него.

notes

Примечания

1

Во французских учебных заведениях существует двадцатибалльная система оценок. *(Прим. пер.)*

Наравне (*лат.*). *(Прим. пер.)*

3

Аквилон (*лат.*) – северный ветер. *(Прим. пер.)*

4

Геридон (*фр.*) – столик на одной ножке. *(Прим. пер.)*

Франс (*с фр.*) – Франция. *(Прим. пер.)*

6

Бакалавр (*лат.*) – лицо, сдавшее экзамены за курс средней школы. *(Прим. пер.)*

7

Гинекей (*гр.*) – женская половина в древнегреческом доме. Здесь: женская мастерская. *(Прим. пер.)*

8

Атторней (*англ., юр.*) – в англоязычных странах доверенный представитель, оказывающий юридические услуги какому-либо лицу или компании. *(Прим. пер.)*

9

Шале (*фр.*) – небольшой загородный дом, дача. (*Прим. пер.*)

10

Ареопаг (*гр.*) – высший орган судебной и политической власти в Древних Афинах. Здесь: президиум. *(Прим. пер.)*

11

Шимми (*англ.*) – бытовой импровизационный танец, сходный с фокстротом. *(Прим. пер.)*

Пасодобль (*исп.*) – танец. *(Прим. пер.)*

Уанстеп (*англ.*) – название танца. *(Прим. пер.)*

14

Неф (*фр.*) – продольная часть христианского храма, обычно расчлененного колоннадой или аркой на главный, более широкий и высокий, и боковые нефы. *(Прим. пер.)*

Камин (*фр*.) – узкая расселина в горе. *(Прим. пер.)*

Сайнета (*исп.*) – одноактная пьеска. *(Прим. пер.)*